Б. КАФЕНГАУЗ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ при ПЕТРЕ I

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1942

I. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В КОНЦЕ XVII ВЕКА

«Кому из вас, братцы мои, хоть во сне снилось лет 30 тому назад, что мы с вами здесь, у Остзейского (Балтийского) моря, будем плотничать и в одежде немцев[1], в завоеванной у них же нашими трудами и мужеством стране построим город[2], в котором вы живете, что мы доживем до того, что увидим таких храбрых и победоносных солдат и матросов русской крови, таких сынов, бывавших в чужих странах и возвратившихся домой столь смышленными, что увидим у себя такое множество иноземных художников и ремесленников, доживем до того, что меня и вас станут так уважать чужестранные государи?»

В этих словах, приписываемых Петру, кратко сформулированы результаты петровской политики, как эти результаты представлялись современникам.

Русское государство к концу XVII века по сравнению с передовыми западноевропейскими странами сильно отстало в экономическом, военном и культурном отношении. В стране господствовало крепостное право, власть принадлежала помещикам, промышленности почти не было, торговля была развита слабо. Развитию хозяйства мешала удаленность от мировых торговых путей, Россия была отрезана от Черного и Балтийского морей и обладала лишь одним портом — Архангельском на Белом море, замерзавшим на долгие месяцы и далеко расположенным от передовых стран Западной Европы.

Однако наша страна в XVII веке была уже обширным государством, раскинувшимся на огромном пространстве в большей части восточноевропейской равнины, на территории Сибири и отчасти Дальнего Востока. Огромная страна нуждалась в выходе к морю.

---

[1] «Немцами» в то время русские называли всех иностранцев — жителей западноевропейских стран.

[2] Санкт-Петербург, ныне Ленинград.

Еще за полтораста лет до Петра I, в XVI веке, при царе Иване Грозном, русские вели долгую Ливонскую войну за выход на просторы Балтийского моря. Но эта война кончилась неудачей. Последний небольшой кусок морского берега у Финского залива, остававшийся еще в руках русских, был захвачен шведами в начале XVII века, во время крестьянской войны и иностранной интервенции. Шведы завладели большей частью Балтийского побережья, им принадлежала территория нынешних Латвии, Эстонии и Финляндии, а также часть германского побережья (Шведская Померания).

В середине XVII века правительство царя Алексея Михайловича сделало вновь попытку пробиться к Балтийскому морю. Русские войска осадили Ригу, принадлежавшую шведам, но одновременная война с Речью Посполитой (польским государством) помешала развитию первых успехов. Пришлось заключить мир со шведами.

Черное море было в руках Оттоманской Порты. В устье реки Дона турки построили сильную крепость Азов и тем лишили русских выхода к морю. Турки захватили также южную часть Крыма, а Крымское татарское ханство было вассалом Турции. Крымские, кубанские и ногайские татары постоянно нападали на южные окраины Московского государства, затрудняя земледелие в степях и мешая их заселению. Лесные засеки, а к югу от них ряд укрепленных пунктов, как Харьков, Белгород, Тамбов, Козлов, Валуйки и другие, окруженные рвом и валом, с гарнизоном из стрельцов и казаков защищали южные пределы страны. Борьба русского государства с Турцией и Крымом была борьбой за доступ к Черному морю.

Восстание украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого против гнета польских панов и присоединение Украины к Московскому государству вызвали войну России с Речью Посполитой. К России отошли Левобережная Украина, а также Киев (на правом берегу Днепра). Этим было положено начало соединению двух братских народов, русского и украинского. Но Правобережная Украина оставалась частично под властью Польши, частью отошла к Турции. Украинский вопрос столкнул Россию с Турцией. В 1676—1678 гг. происходила война с турками (Чигиринские походы), закончившаяся Бахчисарайским миром 1681 г., не принесшим никаких приобретений России.

В правление царевны Софьи русское государство примкнуло к союзу государств — Австрии, Польши и Венеции, воевавших с Турцией. Летом 1687 г. были двинуты к

Крыму войска под командованием князя В. В. Голицына, наиболее влиятельного лица в правительстве царевны. Но поход был неудачен. Степные пожары, зной, недостаток воды и вызванные этим болезни заставили отряд Голицына повернуть обратно, не дойдя до Крыма. В феврале 1689 г. поход возобновился. На этот раз Голицын достиг Перекопа. Но войско, до того как подошло к Перекопу, в течение двух суток было лишено воды, а за Перекопом, в северной части Крыма, простиралась та же безводная степь. Голицын начал мирные переговоры с ханом; русские войска отступили, не дождавшись исхода переговоров.

Борьба со шведами на западе, с турками и крымскими татарами на юге была еще не по силам в XVII веке русскому государству. Значительно успешнее была восточная политика правительства Софьи. Русские в Азии достигли к этому времени реки Амура, где казаки построили крепость Албазин. Китайское правительство направило сюда войска, начались стычки с казаками. Военные действия закончились мирными переговорами в городе Нерчинске. 27 августа 1689 г. был заключен договор (Нерчинский), выгодный для России, установивший условия торговых отношений с Китаем. Границей между обоими государствами было признано течение реки Аргуни, притока Амура.

В допетровское время постоянной хорошо обученной армии почти не существовало. Войска в основном состояли из дворянской конницы. Все дворяне должны были нести военную службу, начиная с 15 лет. Каждый дворянин обязан был являться на военную службу со своими слугами или крепостными крестьянами, число которых устанавливалось в зависимости от размера земельных владений. Дворянин должен был заботиться о вооружении и продовольствии для себя и своих слуг. Оружие было поэтому крайне пестрым — рядом с огнестрельным оружием еще применяли лук со стрелами. Войско не проходило правильного обучения, собиралось только на смотры и в случае войны.

Старший современник Петра I, писатель Посошков, с большой иронией говорит о дворянском войске: «Истинно, государь, я видел, что иной дворянин и зарядить пищали не умеет, а не то, что ему стрелять по цели хорошенько». Дворяне не отличались и большой храбростью; по словам Посошкова, на войне они ведут себя «хуже козы» и «попеченья о том не имеет, чтоб неприятеля убить; о том лишь печется, как бы домой быть».

Наряду с дворянским ополчением существовало полуре-

гулярное войско наемников-профессионалов — стрельцов. Стрельцы получали от государства очень скудное содержание и принуждены были поэтому заниматься в мирное время ремеслом как побочным занятием или мелкой торговлей. Стрелецкая пехота была плохо обучена и не отличалась особой воинственностью. Во время войны собиралось также ополчение («даточных») крестьянского и городского населения.

Устарелость военной организации была ясна и допетровскому правительству; уже в XVII веке приглашались иностранные офицеры для обучения русских солдат западноевропейскому военному строю. Это войско называлось «полками иноземного строя»; оно собиралось лишь для обучения и осенью на смотры.

В царствование Петра впервые появилась в России постоянная, хорошо обученная, регулярная армия, собиравшаяся посредством рекрутских наборов, хорошо вооруженная и снабженная всем необходимым. Только эта новая, преобразованная армия и построенный при Петре военный флот могли решить огромные задачи, которые стояли перед страной в области внешней политики.

Понадобились преобразования Петра I во всех областях жизни, интенсивное строительство фабрик и заводов, чтобы дать толчок культурному развитию страны и реформировать устарелые государственные учреждения. После долгих лет упорного труда, при напряжении всех сил были, наконец, достигнуты поставленные цели.

Внешняя политика Петра I привела к блестящим результатам. Были вновь приобретены берега Балтийского моря, и наша родина стала одной из самых могущественных держав, с мощными армией и флотом.

Однако успехи пришли далеко не сразу. При Петре I Россия вела две войны с Турцией и в течение 21 года воевала со Швецией; кроме того, велась война с Персией, организовывались походы в Казахстан и в Хиву.

Война сначала шла за берега Черного моря, затем черноморская проблема сменилась балтийским вопросом, и тотчас же после закрепления мирным договором завоеваний в Прибалтике началась война с Персией за обладание западным и южным берегами Каспийского моря. Почти все царствование Петра I заполнено войнами. Военные действия вначале были неудачны, и нужны были огромные жертвы, выдержка, упорство, ясное сознание поставленных задач, неустанная напряженная работа по созданию новой армии и ее снабжению всем необходимым, чтобы первые неудачи сменились затем блестящими победами.

II. АЗОВСКИЕ ПОХОДЫ

«Ни одна великая нация не находилась в таком удалении от всех морей, в каком пребывала вначале империя Петра Великого», — говорит Карл Маркс.

Первым самостоятельным шагом молодого Петра во внешней политике явилась война с Турцией. Ближайшей целью этой войны должно было служить завоевание турецкой крепости Азова, а затем берегов Азовского и Черного морей. Эта война была продолжением крымских походов князя В. Голицына. Россия находилась в союзе с Польшей и Австрией и в состоянии войны с Крымом и Турцией, хотя военные действия не возобновлялись; союзники упрекали друг друга в бездействии. При этом Польша интриговала против русских на Украине, Австрия также не склонна была действовать в интересах России. Русское правительство через украинского гетмана пыталось начать мирные переговоры с Крымом. В 1692 г. в Крым поехал московский гонец для переговоров. Русское правительство требовало прекращения ежегодной посылки в Крым казны, или дани, настаивало на возвращении турками «святых мест» в Палестине греческому духовенству. Правительство стремилось к прекращению набегов татар на русские границы, хотело обеспечить мирные торговые сношения и предоставить казакам право рыбной ловли по Днепру. Но крымский хан не соглашался на это.

Переговоры затруднялись неурядицей на Украине, где запорожские казаки непрочь были в союзе с татарами воевать с Москвой; казак Петрик, бежавший к запорожцам, поднимал их против украинского гетмана и против русских. Из Запорожской сечи Петрик перебежал к туркам и отсюда звал казаков соединиться с крымцами против Москвы. Татары с Петриком неоднократно делали набеги на украинские города и села. Украинский гетман Мазепа стал склонять московское правительство к войне с турками. О том же писал в Москву иерусалимский патриарх Досифей, озабоченный усилением позиций католического духовенства в Палестине и ослаблением там роли греческого духовенства.

Военные и морские потехи молодого Петра, грандиозные шуточные маневры под Москвой, у деревни Кожухово, где отличились новые, заведенные им Преображенский, Семеновский и другие полки, обученные военному строю по западноевропейским образцам, внушали Петру уверенность в успехе. Планы будущей войны обсуждались в его знаменитой «кампании», где рядом с родовитой русской

знатью занимали почетное место иностранцы, генералы Гордон, Лефорт и другие.

Неудача степных походов В. Голицына заставила изменить направление удара, решено было осадить турецкую крепость Азов, расположенную в устье Дона и являвшуюся ключом к Азовскому морю. Однако, чтобы отвлечь внимание турок и напасть на них внезапно, в начале 1695 г. Петр объявил поход против Крыма.

«Шутили под Кожуховым, а теперь под Азов играть едем», — писал своим друзьям Петр I. Военные силы были разделены на две части. Одна часть войска, состоявшая преимущественно из дворянской конницы в составе 120 тыс. человек под начальством Б. П. Шереметева, была послана в крымском направлении, или, вернее сказать, к низовьям Днепра, где были расположены турецкие крепости.

Другая часть войска с лучшими, по-европейски обученными полками была направлена к устью Дона, к Азову. При этом отряд численностью в 9,5 тыс. человек во главе с генералом Гордоном шел из Москвы сухим путем, через Коломну и Тамбов. Сам Петр вместе с генералами Лефортом и Головиным во главе 20-тысячного войска двинулся к Азову водным путем. Войска, артиллерия и припасы были погружены на Москве-реке на большие струги. Отплыли 28 апреля 1695 г., шли крайне медленно, задерживаясь из-за противного ветра, и лишь 16 мая пришли к Нижнему-Новгороду (ныне Горький). Здесь перегружали артиллерию и боевые припасы со стругов на более крупные волжские суда и 7 июня подошли к Царицыну (ныне Сталинград). Войска высадились на берег и степью перешли к Дону. В этом месте Дон ближе всего подходит к Волге. У городка Паншина на Дону вновь грузились на суда, затем остановились на 3 дня в Черкасске, центре донского казачества, и, наконец, 29 июня пристали к берегу близ Азова и соединились здесь с отрядом Гордона. Таким образом, путь от Москвы до Азова прошли за 2 месяца.

Азов был сильной крепостью, обнесенной крепкими каменными стенами, валом и глубоким рвом. Вверх по Дону подступы к нему защищали две каменные башни-каланчи, снабженные пушками.

Русские приступили к осаде Азова. Петр впоследствии считал этот поход началом своей боевой службы и говорил, что он «зачал служить с первого Азовского похода бомбардиром». Он находился на одной из батарей и сам наводил пушки на крепость.

В середине июля русские захватили обе каланчи, затем предложили турецкому командованию сдать крепость на почетных условиях. Но турки ответили, что будут драться до последнего человека.

В русском лагере не было единого командования. Петр не брал на себя общего руководства, а генералы ссорились между собой. Наиболее опытный из них, иностранец Гордон, не имел достаточно власти и влияния, чтобы настоять на выполнении своих планов. Русские войска действовали несогласованно, не поддерживали друг друга. Голландский матрос Янсон, взятый на русскую службу, перебежал к туркам и сообщил им, что наиболее удобным временем для вылазки является полдень, когда русские беспечно спят. Турки так и сделали: перебили много солдат, перепортили пушки, а шесть орудий увезли с собой.

Первый штурм Азова был произведен 5 августа. Тремя отрядами с разных сторон русские бросились на крепость, а казаки на лодках под начальством Петра спустились по Дону и напали с четвертой стороны. «Немного недоставало, — писал Лефорт, — чтобы город был взят, если бы только один генерал имел войска наготове во-время, когда следовало». Лефорт отметил упорство турок, они отбили все атаки.

Тогда решили действовать подкопом, чтобы взорвать азовские стены. Однако у русских не было опытных инженеров, и мина была так неудачно заложена, что взрывом выбросило камни, бревна и землю на самих русских, а не на турок, и много своих было убито и ранено.

В сентябре предприняли второй штурм Азова. Хотя на этот раз взрывом была пробита брешь в крепостной стене почти в 20 сажен, но турки снова отбили все атаки.

Русское командование должно было признать неудачу, к тому же осеннее время затрудняло дальнейшую осаду. Было решено прекратить военные действия и отступить от Азова. Войска стали уходить на север.

Отступление по степям при недостатке воды и продовольствия было тяжелым. Австрийский посланник писал об этом: «По дороге я видел, какие большие потери понесла армия во время марша, хотя и не будучи преследуема никаким неприятелем; нельзя было без слез видеть, как по всей степи на протяжении 800 верст лежали трупы людей и лошадей, наполовину объеденные волками».

Более удачно действовали войска Б. П. Шереметева и гетмана Мазепы, посланные к Днепру: они взяли турецкие крепости Казыкермен, Таван, Орслан и Шагинкермен.

Петр во главе армии 22 ноября вернулся в Москву. Воз-

вращение из неудачного похода сопровождалось, однако, мыслью о возобновлении с будущей весны военных действий. Воля Петра не была поколеблена, напротив, первая неудача лишь возбуждала его кипучую энергию.

Причины «невзятия» Азова, как иронически говорил Петр, и ближайшие мероприятия обсуждались на военном совете, или «консилии генералов». Совет признал важнейшими причинами неудачи: недостаток знающих инженеров для осадных работ, отсутствие у русских флота, который мог бы помешать подвозу турецких подкреплений к Азову с моря, и отсутствие единого командования.

Инженеров решено было выписать из-за границы. Хотя главнокомандующим сухопутных сил был назначен боярин А. С. Шеин, руководящую роль Петр взял с этого времени на себя. Но больше всего усилий было положено на новое, небывалое дело — создание русского флота. Адмиралом будущего флота был назначен иностранец Франц Лефорт. Строились верфи в Воронеже и Козлове (ныне Мичуринск) и в других пунктах на реке Воронеже, откуда суда спускались на Дон, а также под Москвой. Суда были двух видов: галеры, которые могли ходить под парусами и на веслах и вмещали по 120—170 человек, и обычные струги для перевозки войск. Из Голландии доставили через Архангельск в Москву в качестве образца галеру. Для строительства флота было мобилизовано около 27 тыс. крестьян и горожан. Петр поехал в Воронеж и сам работал как рядовой мастер.

Второй Азовский поход начался следующей весной. В мае 1696 г. «морской караван» только что отстроенных судов, галер, брандеров и стругов двинулся по Дону. Галерный флот был выстроен с исключительной быстротой, в течение одной зимы. Одно из близких к Петру лиц, Ф. А. Головин, в письме к нему выражал свое восхищение быстротой произведенных работ и личным участием в них Петра: «Мы ведаем, в каком ты труде был в деле своем и какими скорыми временами такое великое дело окончилось».

Флот подошел к Азову 19 мая. Петр захотел возможно скорее пустить его в дело. На 9 галерах разместился пехотный полк и на 40 лодках казаки. На взморье у Азова стояло 13 турецких кораблей и галер и 24 мелких судов. Казаки на стругах напали на турецкий флот, сожгли один корабль и 9 мелких судов и захватили одно судно в плен. Остальной турецкий флот ушел в море. После этого боя русский флот, состоявший из 22 галер, вошел в устье Дона и отрезал Азов с моря. Кроме того, в устье реки на обоих

берегах ее были устроены русскими форты с батареями. Подвоз к Азову подкреплений с моря был тем самым совершенно прекращен. Турецкие корабли пытались подойти к Азову и высадить десант, но должны были отойти, так как навстречу им выступил русский флот. Это было началом успеха. Азов был также обложен с суши, где поставили батареи и производили бомбардировку города. По совету солдат, был применен древний способ осады: стали насыпать вокруг осажденной крепости высокий вал и подводить его ко рву, чтобы таким образом заровнять ров. Через неделю вал был так высок, что превосходил по своей высоте турецкий вал и с него можно было стрелять по турецким укреплениям.

Приехали иностранные инженеры и артиллеристы. По их указаниям были поставлены новые батареи, которыми была разрушена часть углового бастиона. Казаки с боя заняли бастион и захватили четыре пушки. После этого русские стали готовиться к общему штурму крепости.

Военные действия молодой регулярной армии и флота опережали медлительную и неповоротливую русскую дипломатию. Иностранные специалисты приехали к Азову поздно и объясняли это тем, что не знали, когда русские возобновят военные действия. Русский посланник в Вене и сам этого не знал, так как главное лицо в Посольском приказе (ведомство иностранных дел) Емельян Украинцев считал опасным извещать об этом посланника при союзном правительстве. Разгневанный Петр в письме упрекал Украинцева, что он держит посла без известий о войне, и угрожал ему, что впредь «чего он не допишет на бумаге, то я ему допишу на спине».

Русское командование предлагало туркам сдать Азов на условиях свободного выхода войск из крепости. При виде приготовлений к штурму, будучи отрезанными с моря, турки вступили в переговоры, и 18 июля 1696 г. Азов был сдан русским. В этот день турецкие войска вышли из полуразрушенной артиллерийским обстрелом крепости и в нее вступили русские. Турецкие власти преклонили знамена к ногам главнокомандующего боярина Шеина.

Эта крупная победа была отпразднована Петром с небывалой торжественностью. В Москве были сооружены триумфальные ворота, украшенные колоннами, статуями и картинами. Был изображен азовский паша с надписью:

Ах! Азов мы потеряли,
И тем бедство себе достали.

Под картиной, изображавшей древнегреческого бога морей Нептуна, была подпись:

Се и аз поздравляю взятием Азова
И вам покоряюсь!

Весть о падении Азова произвела сильное впечатление в Европе. В результате победы под Азовом сухопутное русское государство быстро превращалось в морскую державу. Но завоевание Азова рассматривалось русским правительством лишь как начало дальнейших военных действий, главные задачи внешней политики не были еще решены. Надо было приобрести гавань на черноморском берегу, получить доступ к Черному морю.

Чтобы успешно продолжать войну, решили построить флот из 52 крупных кораблей. Крупные землевладельцы, дворянство и монастыри должны были складываться в «кумпанства». Каждое «кумпанство» обязывалось выстроить по кораблю. На «кумпанство» приходилось по 8—10 тыс. крестьянских дворов; крепостное крестьянство должно было доставлять средства для сооружения военно-морского флота. Вместо галерного речного флота, который строили в Воронеже предыдущей зимой, теперь речь шла о морском флоте для борьбы с Крымским ханством и Турцией на Азовском и Черном морях. На берегу Азовского моря строился новый город и гавань Таганрог. Грандиозный проект соединения каналом Дона с Волгой возник именно в это время, под руководством иностранного инженера начаты были земляные работы.

III. «ВЕЛИКОЕ ПОСОЛЬСТВО»

Планы продолжения войны с Турцией после взятия Азова ставили перед русским правительством новые задачи: прежде всего надо было побудить союзников — Австрию, Речь Посполитую и Венецию — к возобновлению совместных военных действий.

Еще после первого Азовского похода был отправлен в Вену русский посланник Козьма Нефимонов. Ему поручили заключить с Австрийской империей формальный наступательный союз против Турции. Однако Австрия, истощенная долгой войной, стремилась к миру с турками. Австрийское правительство тянуло с ответом, заявив, что не может заключить договор без участия своих союзников, в особенности без Венецианской республики. Лишь после 10 конференций 29 января 1697 г. был подписан союзный трактат между Россией, Австрией и Венецией. В нем говорилось о

наступательном союзе против «общего неприятеля — турок и татар». Союзники обязались действовать «с общего совета», оказывать друг другу военную помощь, сообщать о своих намерениях и совместно вести мирные переговоры.

Этим договором была выполнена часть дипломатической подготовки дальнейшего развертывания войны с Турцией. Необходимо было побудить союзников к активному и дружному выступлению, надо было расширить союз и получить из Западной Европы обильные материальные средства, вооружение для ведения войны в новых, более грандиозных размерах.

В этих целях снаряжено было за границу «великое посольство». Допетровская Русь не имела постоянных представителей при иностранных правительствах, послы отправлялись по каждому отдельно возникавшему случаю. С посольством решил ехать и сам Петр, что было неслыханным новшеством. Но Петр своей поездкой преследовал не только дипломатические цели, но и образовательные, прежде всего — изучение кораблестроения. Одновременно с посольством в Западную Европу посылались две группы знатной молодежи для обучения морской науке. Все это поражало русских людей новизной и необычайностью. Петр ехал тайно, инкогнито, под именем десятника Петра Михайлова, официально не сообщалось об его отъезде.

В указе о назначении посольства, объявленном 22 ноября 1696 г., было сказано, что «государь указал для своих великих государственных дел послать в окрестные государства, к цесарю [1] и королям английскому и датскому, и папе римскому, и голландским штатам, к курфюрсту бранденбургскому и в Венецию в великих и полномочных послах: генерала и адмирала Франца Яковлевича Лефорта, генерала и комиссара Федора Алексеевича Головина, думного дьяка Прокофья Возницына и послать с ними к тем окрестным государям свои, великого государя верющие и полномочные грамоты».

Лефорт был назначен первым послом, но более важное деловое значение имел второй посол, Ф. А. Головин, до того успешно заключивший Нерчинский договор с Китаем; третьим был опытный дипломат П. Б. Возницын. Посольство сопровождал отряд «волонтеров», отправлявшихся для морской науки, и свита с переводчиками, слугами, караульными и даже карликами-шутами. Всего выехало из Москвы 9 марта 1697 г. 250 человек, но часть из них вскоре вернулась обратно.

[1] Цесарь — австрийский или германский император.

«Великое посольство» пробыло за границей полтора года. Члены посольства направлялись через Тверь, Новгород и Псков и затем вступили в шведские владения в Прибалтике. Первым крупным городом за границей на пути посольства была Рига. После торжественного въезда посольства Петр со своими приближенными пожелал осмотреть крепость в Риге. Он ходил по валу крепости, смотрел в подзорную трубу и даже была сделана попытка снять план крепости. Но шведский караул потребовал, чтобы русские удалились, и пригрозил оружием. Этот нелюбезный прием царя в шведских владениях впоследствии был выдвинут русским правительством как причина разрыва со шведами и объявления им войны.

Из Курляндии Петр, опередив посольство, направился морем в Бранденбургское курфюршество (Пруссия). В Кенигсберге состоялась встреча с бранденбургским курфюрстом Фридрихом III. Торжественное пиршество и охота не помешали Петру вести дипломатические переговоры, которые представляют значительный интерес для истории внешней политики. Там впервые возникла у Петра мысль о возможной в близком будущем войне со Швецией.

Вместе с тем переговоры с бранденбургским правительством дают наиболее полный материал для наблюдения за внешней, так сказать, обрядной стороной дипломатии. Строгое соблюдение придворного этикета, тонкости в титуловании царствующих особ, торжественность приема, порядок размещения послов на пирах и приемах и ценность неизменно вручаемых подарков — все это имело в глазах тогдашних политических деятелей крупнейшее значение для престижа их страны и успеха переговоров, и они с упорством защищали каждую деталь дипломатических церемоний.

В Кенигсберге Петр прошел высший курс артиллерийского искусства и получил соответствующий аттестат на имя «московского кавалера Петра Михайлова» от главного инженера прусских крепостей.

Вступление «великого посольства» во владения курфюрста происходило в официальной, торжественной обстановке. Велись предварительные переговоры о церемониале приема послов. Представители курфюрста особенно настаивали на том, чтобы послы держали себя на аудиенции у курфюрста так, как если бы были у короля, сделали бы три глубоких поклона и т. п. Курфюрст мечтал о королевском титуле.

Въезд московского посольства в Кенигсберг был обставлен с большой пышностью. По улицам, где должны

были проезжать послы, стояли войска и горожане с оружием; послов встречали залпами пушек с городских валов. Впереди процессии шла конная гвардия курфюрста, затем везли 29 пустых придворных раззолоченных карет, за ними выступали верховые лошади без всадников в богатом уборе, затем ехали верхом пажи немецкие и московские, русские солдаты в зеленых мундирах, трубачи и литаврщик, придворные и лакеи. Наконец, в курфюршеской лейб-карете ехали великие послы, по сторонам кареты шли 24 телохранителя с позолоченными алебардами; процессия замыкалась 10 каретами со свитой.

Шествие прошло через весь город и доставило великое удовольствие зрителям, среди которых были также курфюрст и Петр, наблюдавшие его из окон замка.

Столь же торжественной была аудиенция послов у курфюрста. Послов встретил перед дворцом у кареты дворцовый комендант, затем особая встреча была у лестницы и у аудиенц-залы. Курфюрст сидел в зале на троне в пышном наряде с драгоценными камнями и в шляпе, его окружала большая свита. Впереди послов несли подарки — соболя, горностаи и драгоценные ткани. «Великие послы» сделали три поклона, курфюрст привстал и приветствовал их, обнажив голову. Во время речи послов, говоривших на русском языке, при перечислении титулов царя и курфюрста последний снова поднимался и снимал шляпу. Он должен был спросить послов о здоровье царя, и послы отвечали, что оставили его при отъезде из Москвы в добром здоровье. Впоследствии курфюрст признавался, что при этом он едва удерживался от смеха, так как он только что запросто беседовал с Петром.

Среди торжеств и придворных пиров протекали дипломатические переговоры, в которых деятельное участие принимал и Петр. Бранденбургское правительство представило русским послам проект договора, в котором подтверждалея «на вечные времена» союз между этими государствами, содержалось обязательство не укрывать бунтовщиков, оказывать содействие русским «волонтерам», посылавшимся за границу для науки, говорилось о свободном пропуске через Россию прусских купцов в Персию, Китай и в другие восточные страны. Наконец бранденбургский курфюрст добивался, чтобы его послов принимали в Москве наравне с послами королей. Эта часть требований не являлась основной и не встречала особых возражений со стороны русских, хотя они настаивали на том, чтобы вопрос о королевских почестях отложить до другого времени.

Споры шли вокруг двух других статей проекта (2 и 3 ста-

тьи), в которых указывалось, что союз имеет оборонительный характер и при нападении на одну из договаривающихся сторон другая обязана оказать ей помощь людьми, деньгами и снаряжением. При этом русское правительство должно было гарантировать курфюрсту владение Прусским герцогством.

Смысл этих статей для бранденбургского правительства заключался в том, что предполагаемый союз направлялся своим острием против Швеции и Речи Посполитой. Швеция владела частью Померании, т. е. балтийским побережьем к северу от Бранденбурга, владения Речи Посполитой вклинивались между Бранденбургом и Пруссией.

Русские послы возражали против тех статей договора, которые противоречили мирным договорам России со Швецией и Речью Посполитой.

Так как стороны не могли притти к соглашению, Петр предложил в письменный договор не включать спорные статьи об оборонительном союзе. Так и поступили.

22 июня 1697 г. договор был подписан.

Таким образом, при деятельном участии Петра впервые обсуждалась возможность войны против Швеции, что означало замену черноморской проблемы другой — балтийской проблемой. Но это не помешало «великому посольству» продолжать свою работу по усилению средств для продолжения войны с Турцией.

Еще одна крупная международная проблема всплыла во время знаменитого путешествия Петра. В Речи Посполитой происходили королевские выборы, которые уже перестали быть лишь внутренним делом польского государства. Среди кандидатов в польские короли наиболее серьезными были французский принц де Конти и курфюрст саксонский Фридрих-Август. В случае выбора французского принца внешняя политика Польши приняла бы французскую ориентацию, а Франция поддерживала Турцию против союзников; это привело бы к выходу Речи Посполитой из противотурецкой коалиции. Поэтому Петр в особой грамоте к полякам высказался против французской партии; вместе с тем на литовскую границу было послано 40-тысячное войско. Русский нажим имел успех. Голоса на выборах разделились между обоими кандидатами, но перевес получил саксонский курфюрст, ставший польским королем Августом II.

Петр, снова отделившись от посольства, через Германию отправился теперь в Голландию, великую морскую державу того времени, куда влекла его страсть к кораблям. Посольство, догнав его, совершило торжественный въезд в

столицу Голландской республики, город Гаагу, которая была тогда центром всех европейских дипломатических интриг и где в то время собрались многочисленные европейские дипломаты.

В течение целого месяца русские послы вели в Гааге переговоры с голландским правительством, а также обменивались визитами с посольствами европейских держав. В центре этой оживленной дипломатической деятельности стоял Петр, находивший для этого время, несмотря на работу на корабельной верфи, куда нередко приезжали к нему для доклада «великие послы». Новейший биограф Петра I говорит по этому поводу: «Петр сам стоит во главе управления внешней политикой России, держит все нити ее в своих руках; посольство исполняет только его руководящие указания. Следует оставить легенду о том, что Петр в Голландии интересуется и занимается только кораблями и тем, что к ним ближайшим образом относится. Он в курсе всего хода международных отношений в Европе, внимательно следит за ними, живо ими интересуется и высказывает о них свое суждение. Он всецело занят планом организации священного союза против турок, и эта организация — цель его внешней политики»[1].

Во время пребывания русского посольства в Голландии в 1697 г. был подписан Рисвикский мирный трактат (Аугсбургская лига), которым закончилась восьмилетняя война германского императора, Голландии и ряда других государств против Франции.

В Гааге русские послы вели переговоры с правительством Голландской Республики. Состоялось четыре конференции. Послы просили голландское правительство о материальной поддержке в войне России с Турцией и о помощи вооружением, морскими и воинскими припасами, необходимыми для ведения войны. Они обещали при этом голландцам торговые выгоды, например, благоприятное решение поднятого еще при царе Алексее вопроса о транзитной торговле голландцев с Персией и армянами через Россию. Таким обещанием они рассчитывали расположить в свою пользу голландское правительство, но ошиблись.

Голландское правительство ответило на просьбу русских о предоставлении вооружения решительным отказом. Представители Голландской республики в объяснение своего отказа указывали на потери флота и истощение казны от долголетней войны с Францией.

---

[1] *М. Богословский,* Петр I. Материалы для биографии, т. II, М. 1941, стр. 208.

В действительности, Голландия, заключив только что мир с Францией, боялась поддерживать войну России против Турции, союзника Франции, тем более что это могло бы угрожать торговым интересам голландских купцов на Средиземном море.

Дипломатические цели «великого посольства» потерпели, таким образом, в Голландии полную неудачу.

Из Голландии Петр направился в Англию, где углубил свои знания в кораблестроении. Он встретился здесь с английским королем и голландским штатгалтером Вильгельмом III, познакомился с английскими политическими порядками и деятелями. «Великое посольство» оставалось в Голландии, в Амстердаме, и вместо дипломатических переговоров занято было наймом матросов, инженеров и офицеров для службы в России и закупкой здесь (уже без посредства голландского правительства) оружия и инструментов.

В Голландии в мае 1698 г. было получено известие о грозившем распаде союза против турок, об укреплении которого так старались русские. Еще в Англии Петр получил сведения, что английский король готов выступить посредником в мирных переговорах между Австрией и Турцией. Теперь послы получили извещение, что заключить сепаратный мир с турками хотят австрийский император (цесарь) и Венецианская республика. Султан соглашался уступить завоеванные Австрией и Венецией земли. Польский посланник, доставивший эти сведения, сообщил что султан предлагает Речи Посполитой отдать Каменец-Подольск, но польский король недоволен и намерен продолжать войну. Уступчивость Австрии и посредничество английского короля так же, как нежелание Голландии помогать России против турок, были связаны с назреванием новой европейской войны. Недаром Петр, узнав за границей о Рисвикском мире, назвал дураками тех, кто радуется этому миру. Он считал, что «француз обманул» и что вскоре разразится на Западе новая война. Действительно, в 1701 г. возникла война за испанское наследство, где морские державы, Голландия и Англия, а также Австрия выступали против Франции и Испании.

Через посла в Варшаве Петр получил грамоту цесаря о мирных предложениях султана; предполагалось, что мир может быть заключен, если русское правительство ограничится уже завоеванным (т. е. Азовом).

Теперь посольство отправлялось в Вену, столицу Священной Римской империи, для того чтобы отклонить ее императора от заключения мира с турками. Чванливое

австрийское правительство встретило москвичей без особого внимания. Послов продержали несколько дней в деревушке под Веной, а торжественному въезду пришлось остановиться по ничтожному поводу: путь преградили маршировавшие войска. Аудиенция протекала при строгом выполнении чопорного придворного австрийского этикета.

Не имея точных сведений о ходе переговоров императора с турками, Петр передал главе австрийского ведомства иностранных дел графу Кинскому записку с тремя прямо поставленными вопросами: 1) Каково намерение императора — продолжать ли войну с турками или заключить мир? 2) Если император намерен заключить мир, то какими условиями он удовольствуется? 3) Известно, что турецкий султан ищет у цесаря мира через посредничество английского короля; какие условия предлагаются турками императору и союзникам?

Австрийское правительство отозвалось на эти вопросы лишь после того, как был послан положительный ответ туркам на их предложение мира; оно хотело поставить русских перед совершившимся фактом, чтобы те своим вмешательством не могли изменить хода переговоров. Император сообщал Петру о мирных предложениях турок и прислал соответствующие грамоты и другие документы. При этом цесарь заверял, что условия мира должны быть выгодны союзникам, а именно, что мир может быть подписан лишь с сохранением за каждым из них того, что было уже им завоевано.

Петр в последующей беседе с графом Кинским выразил ему свое недовольство. По мнению Петра, основание будущего мира должно быть принято лишь с общего совета всех союзников. Петр заявил, что России сверх Азова необходимо приобрести крепость Керчь, из которой можно было бы сдерживать нападения крымских татар. В этой беседе Петр высказал правильное представление об истинных мотивах действий австрийского правительства, говоря, что оно спешит с заключением мира из опасения близкой войны с Францией за испанское наследство.

Петр выразил свои пожелания в отношении мира в письменной форме, они сводились к следующему: 1) чтобы мир с турками был прочным, они должны уступить России крепость Керчь, которая необходима русским для безопасности со стороны крымских татар; 2) если султан не согласится на это, то австрийский император вместе со всеми союзниками должен продолжать войну до 1701 г.

Одновременно английский резидент в Вене передал русским послам просьбу английского короля не досадовать на

то, что он принял посредничество в мирных переговорах между Австрией и Турцией и не объявил об этом русским во время их пребывания в Англии. Австрийское правительство настаивало на полной тайне переговоров. Это открывало глаза русским послам на интриги австрийского правительства.

Наконец, в последующих беседах граф Кинский заявил, что турки не уступят Керчи добровольно, что она может быть вырвана у них лишь силой оружия. Русские могут завоевать Керчь еще до заключения мира, и тогда, согласно принятому для мирных переговоров основанию, она должна остаться за Россией.

Таким образом, переговоры были неудачны и привели лишь к тому, что русскому правительству ничего не оставалось, как согласиться на участие в будущем мирном конгрессе.

Русская дипломатия отчасти вознаградила себя в Вене удачно проведенными переговорами с представителем польского короля, генералом Карловичем. Он сообщил Петру, что польский король Август II, так же как и царь, недоволен начавшимися мирными переговорами между Австрией и Турцией. Польский король не доверяет цесарю, который будет соблюдать лишь свою пользу, забывая о своих союзниках. Петр обещал сообщать ему о ходе переговоров с цесарем и соблюдать интересы своего польского союзника наравне с собственными. Эти переговоры велись в строгой тайне и послужили началом сближения Петра I с Августом II.

Ничто больше не удерживало Петра в Вене, и после торжественного маскарада и придворного праздника, данного цесарем в честь русского царя, русское посольство должно было отправиться к другому союзнику России, в Венецианскую республику. Все было уже готово к отъезду, как вдруг известие о стрелецком бунте в Москве изменило все планы. Петр с немногими спутниками, чрезвычайно встревоженный, помчался домой, нигде не останавливаясь, ночуя в экипаже. Но в Польше за Краковом он получил успокоительные сообщения о подавлении бунта и дальнейший путь продолжал не так поспешно, даже задержался на четыре дня в маленьком городке Раве Русской для свидания с польским королем Августом II.

Свидание в Раве имело важные последствия: оно явилось началом поворота во внешней политике России. Петр и Август в большом секрете вели переговоры, в которых впервые с полной серьезностью шла речь о будущей войне со Швецией.

3 августа 1698 г. было заключено словесное соглашение. Много позднее, подготовляя материалы для истории своего царствования, Петр писал: «Итак, друг другу обязались крепкими словами о дружбе без письменного обязательства и разъехались, и взял государь путь свой к Москве».

Полуторагодичное пребывание за границей «великого посольства» при участии Петра оказалось успешным в том смысле, что Петр изучил кораблестроение, познакомился с Западной Европой и ее политическими деятелями. Но в отношении его дипломатических целей посольство было неудачным. Отправленные для усиления союза четырех государств против Турции послы могли выявить лишь полную невозможность вести войну и установили близкое распадение союза. Европейские государства не были склонны поддерживать Россию в ее борьбе с Турцией. Зато в переговорах с Пруссией и Речью Посполитой выяснились возможности союза прибалтийских стран и России против Швеции. «Петр за границу повез мысль об изгнании из Европы турок, а из-за границы привез мысль о борьбе со Швецией за Балтийское море», — так выразил итоги дипломатических усилий «великого посольства» историк С. Платонов.

IV. ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

После возвращения «великого посольства» из-за границы мирные переговоры с Турцией продолжались, наряду с этим шла дипломатическая подготовка новой войны — войны против Швеции.

Мирный конгресс представителей союзников и Турции открылся в Карловицах (на Дунае) в октябре 1698 г. На конгрессе всего сильнее была позиция Австрии, которая выступала при поддержке послов Англии и Голландии, стремившихся к скорейшему выходу Австрии из войны, так как они хотели привлечь ее к союзу в назревавшей новой войне этих морских держав против Франции, за испанское наследство.

Россия оказалась покинутой своими союзниками. Русским уполномоченным на мирном конгрессе был думный дьяк, или советник, П. Б. Возницын. В согласии с союзным договором 1697 г. он настаивал перед австрийским правительством, чтобы союзники условились относительно своих требований к туркам. Но австрийские министры заявили,

что каждый должен самостоятельно защищать на конгрессе свои интересы. Возницын возражал также против принятого основания для переговоров, именно сохранения за каждым того, что было им завоевано, он указывал, что интересы России далеко еще не удовлетворены. Но все усилия его были напрасны. Представители Австрии вели переговоры отдельно от других и очень быстро, после трех конференций, заключили весьма выгодный для себя мир с турками. К Австрии перешла Трансильвания, часть Венгрии (между Тиссой и Дунаем) и Славония.

Покинутые австрийцами, остальные союзники оказались в трудном положении, и турки считали, что они уже могут диктовать им свои условия. Возницын держался твердо, отверг притязания турок на возвращение им Азова и турецких городов в низовьях Днепра и в свою очередь потребовал сверх завоеванного передачи России Керчи на Крымском побережье и возмещения за убытки от набегов татар.

Однако, не добившись соглашения, Возницын должен был ограничиться заключением перемирия на два года, в течение которых военные действия прекращались. Во время перемирия в Константинополе велись переговоры о прочном мире.

Возницын советовал Петру пойти на некоторые уступки туркам и послать для переговоров о мире «хотя не гораздо знатного, только умного человека». Послом был назначен опытный дипломат Емельян Украинцев. При этом решено было дать почувствовать турецкому правительству возросшую мощь России, превратившейся из сухопутной в морскую державу. Посол должен был на русском военном корабле переплыть Черное море и бросить якорь у Константинополя.

Воронежский флот к этому времени состоял из 18 крупных кораблей, снабженных от 36 до 46 пушек каждый. Кроме того, имелись галеры, галиоты, бригантины и другие суда. Флот выступил к Азовскому морю и остановился в Таганроге. Здесь Украинцеву была вручена инструкция для будущих переговоров с турками. Он должен был добиваться вечного мира или длительного, лет на двадцать пять, перемирия. Азов, так же как Казыкермен и другие города на Днепре, должен остаться за Россией; ежегодная дань крымскому хану должна быть отменена. В дополнение к этим требованиям Украинцеву предлагалось добиваться права на плавание русских по Черному морю и передачи греческому духовенству святынь в Иерусалиме («гроба господня»).

46-пушечный корабль-«крепость», на котором находился посол, сопровождала русская эскадра из 10 больших кораблей и 12 малых судов. В Керчи русский адмирал посетил турецкие власти, настаивая на пропуске русских судов. В его свите тайно находился Петр в одежде голландского плотника.

3 сентября 1699 г. впервые русский военный корабль, имея на борту посла, бросил якорь в виду Константинополя, к величайшей тревоге султана и турецких министров.

Переговоры о мире были длительны, сопровождались спорами и частыми перерывами. Когда переговоры зашли в тупик, из Москвы был послан Украинцеву дополнительный наказ согласиться на некоторые уступки, именно лишь на временное сохранение за Россией приднепровских крепостей, в течение 6—7 лет, или на полное уничтожение их. После этого переговоры возобновились, решено было разорить Казыкермен и покинуть его как русским, так и туркам. Туркам пришлось согласиться на отмену ежегодной дани, которую получал от русских крымский хан. Однако турецкие представители упорно отказывали русским в позволении плавать по Черному морю. Султан, по их словам, «бережет Черное море, как чистую и непорочную девицу, к которой никто прикоснуться не смеет... это может случиться разве тогда, когда Турецкая империя обратится вверх ногами».

Наконец, 8 августа 1700 г., после 23 конференций, через 10 месяцев после приезда русского посла, был подписан мирный договор. Мир был заключен на 30-летний срок. Азов оставался за Россией вместе со строящимися Петром военными гаванями Таганрогом и Троицким; пять турецких городков в низовьях Днепра (Казыкермен и другие) были разорены и затем возвращены туркам, ежегодная денежная дача, или дань, крымскому хану прекращалась, происходил размен пленными, татары должны были отказаться от набегов на русские границы.

Таким образом, в трудных условиях, покинутые союзниками, русские дипломаты добились выгодного мира в борьбе с таким сильным противником, каким была в конце XVII века Турецкая империя. Однако мирный договор не разрешал основной задачи — не давал выхода в Черное море, так как Азовское море без порта на черноморском берегу оставалось закрытым. Разрешение вопроса о плавании по Черному морю для торговых целей было отложено.

Когда Украинцев подписывал в Константинополе мирный трактат, уже решена была новая война, и Россия входила

в новый союз, направленный против Швеции. Предстояла серьезная борьба за берега Балтийского моря.

Обстоятельства были благоприятны для России. Через три месяца после свидания русского царя с польским королем в октябре 1698 г. в Варшаву тайно приехал известный лифляндский авантюрист Иоганн Паткуль с грандиозным планом союза России, Речи Посполитой и Дании против Швеции. Паткуль был энергичным защитником классовых интересов прибалтийского дворянства, недовольного политикой шведского правительства, которое стремилось отнять у лифляндских дворян значительную часть их земельных владений. Преследуемый шведским правительством, Паткуль вынужден был покинуть родину и заочно был приговорен к смертной казни. Он скитался по Европе, жил в Бранденбурге, в Швейцарии, Франции и Италии и, наконец, явился в столицу Польши с проектом союза против Швеции. Лифляндия (нынешняя Латвия и часть Эстонии) некогда принадлежала Польше, но в XVII веке была захвачена Швецией. От имени лифляндского дворянства Паткуль предлагал теперь польскому королю вновь присоединить Лифляндию к Польше, с тем чтобы были восстановлены старинные привилегии прибалтийских дворян и сохранены их земельные богатства.

Паткуль представил Августу II два «мемориала». В первом из них, в конце 1698 г., он развивал план союза польского короля с Россией и Данией, так как последняя также имела давние счеты со шведами. Дании предназначалось действовать флотом на Балтийском море. Вторично, в апреле 1699 г., Паткуль представил обширную записку с подробным обоснованием своего плана; здесь он особенно подробно останавливался на будущей роли России как главного союзника. «От содействия царя все зависит», — говорил он. Несмотря на признание могущества России, он предназначал ей незавидную роль — таскать каштаны из огня в чужих интересах. У Петра предполагалось выудить помощь польскому королю деньгами и войском. При этом русские солдаты должны были бы, по мысли Паткуля, «работать в траншеях и гибнуть под выстрелами, чем сберегутся войска его королевского величества» (т. е. Августа II).

Русскую долю в будущих завоеваниях Паткуль ограничивал лишь Карелией и Ингерманландией, т. е. течением реки Невы и прибрежной полосой Финского залива. Западной границей в будущих русских владениях должны были стать река Нарова и озеро Пейпус. Никак нельзя отдавать царю Нарвы, так как, «став в Нарве твердою ногой, он приобретет крепкую основу для внешних дей-

ствий», — говорит Паткуль. Петр не должен трогать ни Лифляндии, ни Эстляндии (нынешние Латвия и Эстония). Паткуль хотел, чтобы договор крепко связал руки России, «чтобы этот могущественный союзник... не шел дальше Нарвы и Чудского озера».

В своих записках Паткуль затронул также отношения будущих союзников к другим европейским государствам. Он признавал необходимость обеспечить дружбу и нейтралитет бранденбургского курфюрста обещанием содействовать признанию за ним королевского титула. Австрия, по его мнению, не опасна, так как она не сможет сблизиться со Швецией вследствие глубоких ран, нанесенных ей Швецией в прошлом. Он предвидел враждебную позицию морских держав, Англии и Голландии, но рассчитывал, что их участие в приближавшейся войне за испанское наследство отвлечет их силы и внимание от Прибалтики; то же самое можно было ожидать в отношении Франции, с которой не следует враждовать, но нет нужды и связывать себя с ней какими-либо обязательствами.

Наконец, Паткуль обращал внимание польского короля на сомнительность согласия польского сейма на войну со Швецией, он советовал обойтись без сейма, поставив Речь Посполитую перед совершившимся фактом, — неожиданно напасть на какой-либо пункт в шведских владениях, например на Ригу.

План Паткуля отличался продуманностью и большим знанием международных отношений. Но этот умный политик не предвидел будущего значения России. Петру отводилась второстепенная роль, тогда как в скором будущем Россия и Речь Посполитая поменяются ролями, намеченными для них лифляндским дворянином. Русское правительство с удивительной настойчивостью и искусством как дипломатическими средствами, так и военными действиями будет добиваться полного удовлетворения интересов своей страны, и Петр далеко перешагнет узкие границы, намеченные для него Паткулем.

Осенью 1699 г. в Москву приехал для переговоров о союзе посланец польского короля генерал Карлович. Вместе с ним под чужим именем прибыл и Паткуль.

Карлович в особом «мемориале», представленном Петру, напоминал о переговорах в Речи Посполитой, имевших место за год до того, как Петр «изъявил намерение при содействии его королевского величества (т. е. Августа II. — *Ред.*) возвратить от Швеции стародавние русские области». При этом отмечалось, что положение короля в Речи Посполитой укрепилось за это время и политиче-

ское состояние Европы также благоприятствует объявлению войны Швеции. «Теперь или никогда», — убеждал Карлович.

Польский король уже заключил союз с Данией и обещал выступить против шведов во главе своего саксонского войска, так как, получив польскую корону, он оставался в то же время саксонским курфюрстом. Он предлагал теперь Петру I заключить договор о союзе и условиться о военных действиях.

Переговоры велись в селе Преображенском в строгой тайне. В них участвовали вместе с Петром и Карловичем руководитель ведомства иностранных дел и «первый» (по отзывам иностранцев) министр Ф. А. Головин, переводчик П. Шафиров, будущий знаменитый дипломат, а также датский посол в Москве. 11 ноября 1699 г. был подписан секретный договор. Он начинается с указания на «персональный разговор» между Петром I и польским королем относительно совместной борьбы против Швеции. Затем в первой статье трактата устанавливается «верная и постоянная дружба и соседство» между обеими странами и взаимное обязательство о помощи друг другу против «своих неприятелей». Польский король обязуется содействовать достижению Россией «твердого основания на Балтийском море». Польский король «тотчас со своями (шведами. — *Ред.*) мир разорвет» и будет продолжать войну до полного удовлетворения России. Войска Августа II должны наступать в Лифляндии и Эстляндии.

Русское правительство по договору должно было вступить в войну после подписания мира с Турцией, русским войскам отводились шведские провинции Ижорская и Карельская, т. е. территория военных действий России ограничивалась рамками, намеченными в записках Паткуля: течением реки Невы и Карелией. Мирные переговоры с противником разрешались лишь с согласия обоих союзников. Обе стороны состояли к этому моменту в союзе с Данией, о чем также упоминается в трактате; они обязуются, кроме того, стараться привлечь к союзу и курфюрста бранденбургского. В заключительной статье вновь подтверждалось, что русское правительство приступит к исполнению этого договора после заключения мира с турками[1].

Еще ранее, в июле 1699 г., был подписан русскими договор о союзе и дружбе с Данией. Важнейшим пунктом этого договора являлось обязательство каждого из союзников в случае нападения на него притти на помощь друг

[1] *Голиков,* Деяния Петра Великого, ч. XI, М. 1789, стр. 46.

другу и притом не позднее чем спустя три месяца после начала военных действий. В дополнительных статьях говорится, что обе стороны не сложат оружия, пока не будут удовлетворены. Эти обязательства вступают в силу для России по заключении прочного мира с Турцией. После подписания русско-польского договора датский посол 26 ноября 1699 г. подтвердил особым «артикулом», что Дания, как и Россия, будет вести наступательные военные действия против шведов до окончательной победы, пока не будет обеспечен «совершенный мир к удовольствию обеих сторон»[1].

Начав во исполнение договора войну со Швецией, Август II не смог, как это намечалось, захватить Ригу внезапно. Саксонские войска были собраны на границе Лифляндии, но командующий уехал из армии справлять свою свадьбу, из-за его отъезда дело не двигалось, а шведы тем временем приготовились к отпору. В феврале 1700 г. саксонские войска подошли к Двине, но должны были остановиться на левом берегу реки, против Риги, так как не имели осадных орудий. «Ах, недостаточное к лучшему и без рассуждения венусово веселие, иже легкомыслием неоценное время потеряли»,—писал Ф. Головин царю о неудачах саксонцев. Тогда Август II отправил в Москву посла, чтобы поторопить Петра с началом военных действий. Он просил царя отправить к нему вспомогательное войско и артиллерию и напасть немедленно на шведскую провинцию Ингрию, чтобы отвлечь шведские силы от Риги. Петр отвечал, что даст вспомогательный отряд и двинет войска, как только получит известие о заключении в Константинополе мира с турками.

Вслед за Речью Посполитой в марте 1700 г. начал военные действия датский король. Датская армия вступила в Шлезвиг и осадила город Тенинген, где находился шведский гарнизон. Союзный договор Петра с польским и датским королями оставался тайной для шведов.

Только запрос Ф. Головина относительно обиды, будто бы нанесенной царю рижским губернатором во время проезда «великого посольства через Ригу», мог бы служить предостережением шведам. «Когда отправилось великое посольство российское в окрестные государства и проезжало через свейские (т. е. шведские.—*Ред.*) земли, в Риге тамошний губернатор и градские люди делали послам и свите их великое утеснение: все припасы продавали нарочно дорогою ценою, за дворы и переводы требовали

[1] Полное собрание законов, изд. 1-е, т. III, № 1691 и 1724.

двойную и тройную плату, польским людям не дозволяли ходить по городу без караула, — говорил послам Головин, сам участвовавший в великом посольстве. — Приняли нас, как неприятелей или лазутчиков».

Несмотря на то, что до шведского правительства доходили слухи о военных приготовлениях России, оно сочло возможным не считаться с русским запросом относительно рижской обиды, нанесенной Петру, и ответило лишь через восемь месяцев, указав, что «жалобы царских министров неосновательны». Петр нашел в этом высокомерном ответе хороший повод для объявления войны.

Наконец, было получено известие о заключении Е. Украинцевым мира с Турцией, и Петр I почувствовал, что его руки свободны. На другой день, 9 августа 1700 г., он сообщил письмом Августу II о подписании мира с турками и о том, что отдано распоряжение новгородскому воеводе объявить шведам войну и перейти границу.

В царском указе 19 августа 1700 г. объявлялось, что война начата «на многие неправды свейского кроля и в особенности за то, что во время государева шествия чрез Ригу от рижских жителей чинились ему многие противности и неприятства». Посланный в Швецию посол должен был объявить шведскому правительству, что война начата «за многие свейские неправды и нанесенные русским подданным обиды, наипаче за самое тяжкое бесчестие великим и полномочным послам в Риге».

V. ВЕЛИКАЯ СЕВЕРНАЯ ВОЙНА (ПЕРВЫЙ ПЕРИОД)

В самой подготовке к войне Петр I проявил самостоятельность и нежелание следовать внушениям Паткуля и польского короля. Вопреки их желаниям Россия начала войну с операции против Нарвы. «Мне крайне жаль,—писал польский представитель в Москве, — что теперь обнаружилось секретное намерение царя атаковать Нарву. Я сделал все на свете вместе с датским посланником, чтобы отклонить его от этого намерения». Паткуль ответил на это: «Не в наших видах допускать его в сердце Ливонии; взяв Нарву, он приобретает надежное средство завоевать Ревель, Дерпт, Пернау, прежде чем узнают в Варшаве, а потом покорить Ригу и всю Ливонию».

Незадолго до Нарвского похода были приняты меры для увеличения и переустройства русской армии, положено начало рекрутским наборам, которые с тех пор проводились

ежегодно. В ноябре 1699 г. был объявлен набор в солдаты по одному человеку с определенного числа крестьянских и посадских дворов (по 1 человеку с каждых 25 дворов монастырских крестьян и с 30—50 дворов помещичьих крестьян); кроме того, были вызваны охотники. Солдаты оставались на военной службе всю жизнь. В отличие от старинного военного устройства армия содержалась и вооружалась казной. Солдаты были одеты в темнозеленые кафтаны, носили треугольные шляпы и вооружены ружьем с «багинетом» (баянет — штык). Обучение производилось в значительной мере приглашенными на русскую службу иностранными офицерами. Таким образом было положено начало постоянной, регулярной армии.

Под Нарвой русская армия насчитывала 40 тыс. человек. Здесь были наряду с лучшими гвардейскими полками также старинная дворянская конница и неопытные и недостаточно обученные вновь набранные полки. Осада началась в сентябре 1700 г., но шла очень вяло, скоро обнаружился недостаток в снарядах и продовольствии. Русское командование оказалось недостаточно искусным, а обилие иностранных офицеров внушало русским недоверие. Осаждающие не сумели напасть на шведов во-время, дали им подготовиться к осаде; «ходили, как кошка около горячей каши, и никто не хотел пальцев ожечь», — сказал один из иностранцев.

Между тем шведский король Карл XII не терял времени. Еще в августе 1700 г. шведские войска появились под датской столицей Копенгагеном и принудили датского короля подписать в Травендале мирный договор с обязательством выйти из союза с Россией и Речью Посполитой. Затем шведы переплыли Балтийское море, с тем чтобы освободить Ригу, осажденную польским королем Августом II. Но, высадившись на берег, Карл XII узнал о вступлении в войну России и направился прежде всего к Нарве.

19 ноября 1700 г. шведы под Нарвой неожиданно напали на русских и стремительной атакой обратили их в бегство.

Первой бросилась бежать дворянская конница во главе с Б. Шереметевым. Семеновский и Преображенский полки долго выдерживали натиск шведов. Но при растянутости расположения войск русское командование не представляло себе общей картины боя. К вечеру того же дня русские генералы начали переговоры со шведами. Шведский король соглашался на отход уцелевшей части русской армии с оружием, но без артиллерии; командный состав —

79 генералов, полковников и офицеров — должен был остаться в плену.

Потери русских войск под Нарвой составили 17 тыс. человек из 40 тыс. Войска были отведены обратно к русской границе. В течение зимы спешно провели новый набор десяти полков. Для отливки артиллерии взамен потерянной под Нарвой было приказано снимать колокола с церквей и отливать пушки из колокольной меди. Менее чем через год было отлито 300 новых пушек.

Одновременно с военными приготовлениями шли дипломатические переговоры. Однако после нарвского разгрома престиж русского правительства упал. Петр пытался завязать мирные переговоры со шведами через посредство Австрии и Голландии. Но русский посол в Вене князь П. Голицын извещал, что без какого-либо военного успеха приступать к мирным переговорам невозможно.

Русское правительство и его дипломатические представители держались твердо, и на вопрос австрийского министра о русских требованиях П. Голицын через год после Нарвы, осенью 1701 г., ставил условием мира передачу русским в Прибалтике Нарвы, Ивангорода, Копорья, Дерпта и т. д. На это министр ответил: «Нельзя и думать, чтобы швед на сие согласился».

Попытки заключить мир кончились ничем, но Петр не унывал; напротив, после Нарвы он проявил всю свою кипучую энергию. Теперь он старался укрепить союз с единственным оставшимся союзником, Августом II, для чего выехал за границу. Свидание произошло в местечке Биржах в Курляндии. В подтверждение союза здесь 26 февраля 1701 г. был заключен новый договор. Постановили продолжать войну совместно всеми средствами и также сообща обсуждать в будущем мирные предложения. Наиболее важные постановления Биржинского трактата касались русской помощи польскому королю. Петр обещал послать Августу вспомогательное войско в 15—20 тыс. человек, отпускать денежные средства для содержания войска и, кроме того, обязался в течение двух лет давать субсидию по 100 тыс. рублей в год для «общего дела». Договор должен был быть сообщен датскому королю, которого продолжали рассматривать как союзника. Предусматривалась также возможность обращения к посредничеству Австрии, Франции, Англии или Бранденбурга и Голландии, если будут затронуты в будущем интересы Саксонии.

Заключая договор, Август II выступал на этот раз в качестве саксонского курфюрста. Поэтому в отдельной «статье тайной» предусматривалась необходимость при-

влечь к союзу Речь Посполитую, и с этой целью русское правительство добавочно субсидировало короля 20 тыс. рублей для «награждения и милости» польским сенаторам [1].

Изменившиеся международные условия привели, таким образом, к тому, что по Биржинскому договору польский король не взял на себя никаких новых обязательств, ограничившись подтверждением союза, тогда как Петр должен помогать ему войском и деньгами.

Вслед за тем в Москву приехал польский посланец, которому было выплачено в счет субсидии, обещанной по договору в Биржах, 150 тыс. рублей [2], собранных с большим трудом. Деньги были взяты не только из казны, но частью были заняты у Троице-Сергиева монастыря и богатого купца Филатова.

Между тем Карл XII двинулся к Риге, которую осаждали войска Августа II. Переправившись через Двину, шведы наголову разбили саксонские войска 8 июля 1701 г. Саксонцы должны были отступить от Риги, а русское вспомогательное войско отошло к русской границе.

Тем же летом 1701 г. шведы направили эскадру из четырех кораблей к Архангельску, но в устье Северной Двины два шведских корабля сели на мель и достались русским, к большой радости Петра. «Зело чудесно»,—сказал Петр при получении этого известия.

Карл XII намеревался после разгрома русских под Нарвой и поражения саксонцев под Ригой повернуть на восток, против России. Но шведские генералы настаивали на походе в глубь Польши. В Польше Карл «увяз» на ряд лет, гоняясь за Августом II. В Прибалтике, однако, оставались отдельные шведские отряды, в крепостях стояли гарнизоны. Против них русские войска производили набеги, и вскоре в этой «малой» войне стали одерживать победы.

В декабре 1701 г. у мызы Эрестфер (близ Дерпта) Шереметев разбил шведского генерала Шлиппенбаха, хотя при этом «войско наше было новое и непрактикованное»,— как вспоминал впоследствии Петр.

Первую победу торжественно отпраздновали в Москве стрельбой из пушек, фейерверками и колокольным зво-

---

[1] *И. Устрялов,* История царствования Петра Великого, т. IV, ч. 2, СПБ. 1863, стр. 15.

[2] Рубль конца XVII века равнялся 15—17 золотым рублям конца XIX века, следовательно, указанная сумма составляет свыше 2 млн. золотых рублей.

ном; для угощения народа выкатили бочки с вином, медом и пивом.

Летом 1702 г. Шереметев вновь разбил Шлиппенбаха у мызы Гуммельсгоф. Вслед за тем была взята старинная крепость Мариенбург, где в плен к русским попало семейство пастора Глюка с 17-летней служанкой Катериной (которая позже стала женой Петра и русской императрицей Екатериной Алексеевной).

В мае 1702 г. Карл XII занял Варшаву, в июле разбил саксонские и польские войска под Клишевым. Польский король пытался вступить с Карлом XII в мирные переговоры, но безуспешно. Одновременно с Северной войной разгорелась война за испанское наследство. Англия, Голландия и Австрия вели войну против Франции и Испании. Яблоком раздора была Испания и ее богатейшие колонии в Старом и Новом Свете, а также французские колонии. Военные действия шли в Европе и в колониях.

Паткуль, перешедший на русскую службу, был отправлен в Вену, для того чтобы склонить Австрию на сторону России. Он обещал цесарю участие русских войск на стороне Австрии в войне за испанское наследство, а также денежные субсидии. Взамен Паткуль требовал, чтобы цесарь склонил Бранденбург, Ганновер и Данию к разрыву со Швецией. Однако и эта попытка расширения союза не увенчалась успехом. Усиление Швеции и разгром Польши заставляли Австрию опасаться за судьбу своих, соседних с Польшей, земель. Австрийское правительство после некоторых колебаний решило не вмешиваться ни в судьбу Польши, ни в Северную войну.

В ходе Северной войны произошли новые важные изменения. После первых отдельных успехов в Лифляндии русское командование направило войска к Неве и к Ладожскому озеру, в шведскую провинцию Ингрию, где было несколько небольших шведских крепостей. Здесь у Ладоги скопились значительные русские военные силы. От берегов Белого моря, от Нюхчи, через Выгу до Повенца и далее до Онежского озера была проложена через леса и болота дорога, близкая по своему направлению к трассе нынешнего Беломорского канала. Этим путем были проведены к Ладоге пять батальонов гвардии во главе с Петром и перетащены волоком две яхты.

У истока Невы стояла крепость Нотебург, основанная еще новгородцами, которые дали ей название Орешек. В начале XVII века эту крепость захватили шведы. Она стояла на острове посреди Невы. В ней находился шведский гарнизон из 450 человек с 142 орудиями.

Сюда Петр собрал 14 полков и значительную артиллерию. Солдат посадили в лодки, спущенные на Неву из Ладожского озера, и русские войска заняли оба берега против крепости. Осада крепости продолжалась полторы недели. Петр участвовал в ней в качестве бомбардирского капитана на береговой батарее. В результате бомбардировки в городе начались пожары и в двух башнях оказались проломы. Утром 11 октября 1702 г. начался штурм, продолжавшийся тринадцать часов. Шведы, несмотря на упорное сопротивление, вынуждены были согласиться на сдачу крепости, выговорив себе для этого трехдневный срок, но на другой день к осаждающим пришло известие о приближении нового шведского отряда. Тогда русские немедленно заняли крепость. Шведский гарнизон, которому, согласно условию, победители разрешили взять даже пушки, был выпущен из крепости с распущенными знаменами, при барабанном бое. Обрадованный взятием Орешка, Петр сообщал в Москву: «Правда, зело жесток сей орех был, однако ж, слава богу, счастливо разгрызен».

Крепость была переименована в Шлиссельбург, что значит ключ-город, в знак того, что она является ключом к дальнейшим завоеваниям, воротами к морю.

Весной следующего года 20-тысячное русское войско шло берегом Невы к шведской крепости Ниеншанц, лежавшей близ устья Невы, при впадении в нее реки Охты. После бомбардировки, которой руководил сам Петр, крепость сдалась (1 мая 1703 г.). В этот момент на взморье подошла шведская эскадра, ничего не знавшая о взятии крепости. Петр и Меншиков, посадив солдат на 30 лодок, ночью напали на шведские корабли, и после боя захватили бот и шняву. Это была первая морская победа русских.

16 мая 1703 г. на одном из островов на Неве русские приступили к строительству крепости, названной Петропавловской. Так было положено основание новому городу Санкт-Петербургу (будущему Ленинграду). В 25 верстах от Петербурга, на острове Котлин, стали строить крепость Кронштлот, которая должна была защищать Петербург с моря; здесь впоследствии возник Кронштадт.

Русские войска под руководством Петра достигли Балтийского моря. В поэме «Медный всадник» великий Пушкин дал яркий образ Петра, прорубившего окно в Европу.

И думал он:
Отсель грозить мы будем шведу.
Здесь будет город заложон
На зло надменному соседу.

Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно;
Ногою твердой стать при море.

За Петербург русским пришлось биться при самом его основании. В устье Невы пришла тем же летом шведская эскадра из девяти кораблей, а шведское войско под начальством генерала Кронгиорта угрожало с суши, с берегов реки Сестры. Во главе шести полков Петр выступил против Кронгиорта и заставил его бежать к Выборгу. Вынуждена была уйти обратно в море и шведская эскадра. Следующим летом, в июле 1704 г., шведы снова подступили к Петербургу. Шведская эскадра, отогнанная от Петербурга огнем русских батарей, напала на остров Котлин (крепость Кронштлот), но также неудачно. В 1705 г. шведы пытались вновь напасть на Котлин, перейдя Финский залив по льду, и снова были отбиты. Весной 1705 г. сюда пришла усиленная шведская эскадра из 22 судов. Против нее выступил русский флот из 8 фрегатов с 24 пушками каждый. Одновременно шведы напали с суши на Петербург и Шлиссельбург. После длительных морских и сухопутных боев шведы отступили снова к Выборгу.

В том же 1703 г. русские успешно продвигались к Нарве. Шереметевым были завоеваны древние русские города Копорье и Ям, затем заняты города Везенберг и Феллин. Почти вся Лифляндия, кроме самых крупных городов, была захвачена Шереметевым.

В 1704 г. русские добились новых успехов. Был осажден хорошо укрепленный город Дерпт, древний русский город, основанный Ярославом Мудрым в XI веке и названный русскими Юрьевым. Осада города затянулась на пять недель и потребовала участия самого Петра. После бомбардировки и штурма, названного Петром в письме «огненным пиром», этот «славный отечественный град», наконец, сдался (13 июля 1704 г.).

Тогда же была вновь осаждена Нарва, под которой четыре года назад русские потерпели столь жестокое поражение. Шведский гарнизон Нарвы состоял из 4,5 тыс. человек с 432 орудиями, и в соседнем Ивангороде — на другом берегу реки Наровы — имелось 128 орудий. Русская армия численностью свыше 45 тыс. блокировала Нарву.

Шведский гарнизон поджидал помощь из Ревеля. Русское командование воспользовалось этим, чтобы выманить шведов из крепости и разбить в открытом поле. На глазах у осажденных была проведена инсценировка боя между русскими и вспомогательным шведским отрядом, будто бы

подходившим к Нарве. Для этого четыре русских полка были одеты в шведскую форму. Комендант Нарвы действительно был введен в заблуждение видом мнимого сражения и вывел из крепости отряд пехоты и драгун в помощь «своим». Таким путем шведам был «поставлен зело изрядный нос», — как говорили русские. Хотя не удалось выманить значительную часть гарнизона, но в происшедшей стычке неприятелю был нанесен серьезный урон.

Нарву взяли после кровопролитного штурма 9 августа 1704 г.

Взятие Дерпта и Нарвы было отпраздновано в конце 1704 г. торжественным возвращением в Москву победоносных войск во главе с Петром. На улицах столицы были сооружены семь триумфальных ворот, у которых при громе пушек духовенство и знать встречали войска и поздравляли их с победой.

Северная война была начата четыре года назад неудачной осадой Нарвы. Однако энергия и настойчивость Петра в создании новой армии, блестящее использование им ухода главных шведских сил в Польшу привели к удачным боям в Прибалтике, в которых закалилась и обучилась русская армия. Русские завоевали всю территорию по течению реки Невы, шведскую провинцию Ингрию, а также Нарву и Дерпт, основали Петербург.

Между тем Карл XII занял Краков и Варшаву, заставил сейм лишить Августа II польской короны и выбрать польским королем шведского ставленника Станислава Лещинского. Польская шляхта и армия разделились на сторонников Августа и Станислава, обе партии участвовали в боях друг против друга. К довершению развала Речи Посполитой вспыхнуло восстание в принадлежавшей Польше части Украины, а казаки под руководством Палея и Самуся захватили город Белую Церковь.

Россия до сих пор состояла в союзе с Августом II как саксонским курфюрстом, теперь в союз вступила и Речь Посполитая. Давно по этому поводу велись переговоры с польскими сенаторами. Во время осады Нарвы в русский лагерь приехал польский посол Томас Дзялынский, встреченный весьма торжественно. 19 августа 1704 г. был заключен трактат между Россией и Речью Посполитой об оборонительном и наступательном союзе[1]. Оба государства обязались бороться сообща против Швеции, не заключать сепаратного мира. Россия соглашалась на просьбу

[1] Полное собрание законов, изд. 1-е, т. IV, № 1991.

поляков о возвращении Польше Белой Церкви и других украинских городов, захваченных казаками Палея.

Заключенным трактатом вновь подтверждалось, что Лифляндия, и в том числе завоеванные русским оружием города должны отойти к Речи Посполитой. Русское правительство обещало ей вспомогательный корпус в 12 тыс. с артиллерией и припасами. Россия должна была попрежнему выплачивать Речи Посполитой ежегодно по 200 тыс. рублей. С своей стороны Речь Посполитая и Литва обязались выставить против шведов 26,2 тыс. человек пехоты и 21,8 тыс. человек конницы. В отдельном, «сепаратном артикуле» речь шла о немедленной посылке русских войск в Литву, так как польские войска были заняты в других местах — в Лифляндии и Курляндии.

Русское правительство согласилось на эти весьма тяжелые условия, стремясь не только удержать Августа II, но и привлечь на свою сторону Речь Посполитую.

Основные силы русской армии в 60 тыс. человек сосредоточивались в Полоцке, куда приехал также и Петр.

20 июня 1705 г. Петр обратился к полякам с манифестом о вступлении русской армии в Речь Посполитую для совместной борьбы против шведов. Но тем же летом (15 июля) Шереметев был разбит в Курляндии при Гемауртгофе (или Мур-мызе). Впоследствии, когда подготавливалась история Северной войны, Петр объяснял это поражение тем, что русские войска действовали «старым обычаем, бесстройно». При первом известии о поражении Петр утешал Шереметева письмом: «Не извольте о бывшем несчастии печальны быть; понеже всегдашняя удача много людей ввела в пагубу; забудьте и паче людей ободряйте».

В августе того же года Петр с войском захватил Митаву, столицу Курляндии, занятую шведами. «Покорение Митавы великой важности, понеже неприятель от Лифлянд уже весьма отрезан и нам далее в Польшу поход безопасен», — писал по этому поводу Петр друзьям.

Главные силы русской армии во главе с Меншиковым и фельдмаршалом Огильви и саксонские войска осенью 1705 г. располагались в Гродно. Сюда же приехали Петр и Август II. Узнав о месте сосредоточения неприятельских сил, Карл XII с необыкновенной быстротой направился зимой с войском из Силезии к Варшаве, а затем к Гродно. Шведы стали поблизости, отрезав коммуникации союзников с востока. Петр, незадолго до этого уехавший в Москву, уже не смог вторично приехать в армию. В своих письмах к Меншикову и Огильви он настаивал на скорей-

шем отступлении из Гродно, тогда как Огильви хотел ждать до лета и дать сражение шведам. Но Петр пока еще не считал возможным встретиться с Карлом в решительной битве и ставил перед командованием задачу вывести русскую армию из окружения и сохранить ее в целости. Он писал фельдмаршалу Огильви: «Мой совет: когда Неман вскроется, тотчас, не мешкая, перейти его по заранее заготовленному мосту и двинуться левым берегом: неприятелю за льдом нельзя будет нигде переправиться, а вам вытти зело свободно».

Отступление русских войск из Гродно было проведено блестяще. В половодье, когда Неман вскрылся, наши войска 24 марта 1706 г. перешли реку по мосту. Шведы сторожили каждое движение русских, но построенный шведами заранее мост был снесен в половодье, и они могли переправиться через реку только 3 апреля, когда русские были уже далеко. Упустив русскую армию, ушедшую к Киеву, Карл вновь повернул на запад и вторгся в Саксонию, чтобы нанести здесь окончательный удар Августу II.

Фельдмаршал Огильви писал еще из-под Гродно Петру, что без русской поддержки Август II «не в состоянии будет продолжать войну и помирится с Карлом». О том же ранее писал Паткуль. Польский король терпел только неудачи. Теперь, при вступлении шведов в Саксонию, Август II тайно вступил в переговоры со шведским королем. В замке Альтранштадт, близ Дрездена (столица Саксонии), был подписан мирный договор, означавший полную капитуляцию Августа. Он отказывался от польской короны и признавал Станислава законным польским королем, сам оставшись лишь саксонским курфюрстом. Август II выходил из союза с Россией, обязывался отдать шведам Краков и другие польские крепости и разрешал разместить в саксонских крепостях шведские гарнизоны. Особым пунктом трактата бывший польский король обязался выдать шведам состоявшего на русской службе Паткуля, а также всех русских, находившихся в вспомогательных войсках в Саксонии. Паткуль был еще ранее незаконно схвачен саксонскими властями, брошен в тюрьму и затем выдан шведам, еще до утверждения договора. Через год Паткуля казнили.

Пока Альтранштадтский договор не был обнародован, Август продолжал вместе с русскими войсками военные действия против шведов. 18 октября 1706 г. произошла битва под Калишем. Русские, саксонские и польские войска нанесли поражение отряду шведов и действовавшим

вместе с ним польским войскам нового польского короля Станислава. Только часть шведской конницы спаслась бегством, остальные погибли или сдались в плен. «Такая была баталия, — доносил об этой битве Петру Меншиков, — что радостно было смотреть, как с обеих сторон регулярно бились, и зело чудесно видеть, как все поле устлано мертвыми телами». Петр по обыкновению отпраздновал в Петербурге эту «преславную викторию» трехдневным пиром под гром пушечной пальбы.

Август II должен был письменно выразить шведам сожаление по поводу своего участия в этом сражении. Он объяснял дело тем, что битва произошла вопреки его воле. Но, ведя переговоры со шведами и подписывая договор, Август, однако, продолжал уверять русских, что союз с Россией не разорвет и что заключает мир притворно, чтобы избавить Саксонию от разорения.

Учиненный шведами разгром Польши напугал Западную Европу, в особенности германские государства. Еще до Альтранштадтского договора обнаружилась перемена в позиции Пруссии. Прусский король, желавший получить от Карла XII признание за собой королевского титула, боялся вторжения шведов в свои владения. Чтобы добиться расположения шведского короля, Пруссия признала польским королем Станислава Лещинского, то же сделал и австрийский император.

Русское правительство вновь в октябре 1706 г. сделало попытку завязать мирные переговоры со Швецией, на этот раз при посредстве английского правительства. Андрей Матвеев, русский посол в Голландии, был отправлен в Лондон, где он предлагал Англии заключить союз с Россией, обязавшейся помогать Англии войсками, и обещал англичанам торговые выгоды на Балтийском море. Матвеев должен был убедить английское правительство, что усиление Швеции, союзника Франции, с которой Англия находилась в войне, невыгодно англичанам. Он указывал, что Англия может склонить шведов к миру при помощи угрозы послать свой флот в Балтийское море. Россия предлагала заключить мир со шведами при условии сохранения последних завоеваний.

За четыре года Северной войны Россия добилась крупных завоеваний в Прибалтике. Русскими стали Ингрия, Дерпт и Нарва. На берегу Финского залива строилась новая столица Санкт-Петербург. Большое военное искусство проявили русские в гродненской операции, когда по требованию Петра русская армия была искусно выведена из ловушки. Однако Россия в этой войне лишилась своих

союзников, сперва Дании, затем Польши и осталась один на один против Швеции с ее опытной победоносной армией. А между тем с каждой новой победой Карла XII в Польше отношения европейских держав к России становились все более холодными и даже враждебными.

VI. ПОЛТАВСКАЯ БИТВА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ

Шведская армия выступила из Саксонии в августе 1707 г. и двинулась на восток, против русских. Карл не торопился, он задержался на четыре месяца у Вислы, пограбил Польшу и только в декабре, когда замерзли реки и болота, пошел дальше. В конце января 1708 г. шведы заняли Гродно, преследуя отходившую русскую армию. Страшный враг приближался к нашим границам. При выступлении из Саксонии у Карла было 20 тыс. пехоты и 24,5 тыс. конницы. Кроме того, наготове стояли в Лифляндии корпус Левенгаупта, 16 тыс. человек, и в Финляндии 14 тыс. человек под начальством Любекера.

Каковы же были оперативные планы Карла XII? Он говорил, что хочет навестить русских «варваров» в Москве и не будет терять времени на осаду Нарвы и других крепостей. Карл заявлял, что заключит мир «по-саксонски», свергнув Петра с престола, как он сделал с польским королем. Целью его похода была Москва, он стремился первоначально итти кратчайшим путем на Смоленск, не отклоняясь в сторону, ни в Прибалтику, ни на Украину.

План обороны России был намечен еще в конце 1706 г., когда Петр приехал в Западную Украину, в Жолкву, где пробыл более четырех месяцев. Это было вскоре после заключения Августом II мира со Швецией (в Альтранштадте).

Оставленный своим союзником, Петр ведет в Жолкве переговоры с влиятельными польскими вельможами, подтвердившими от имени Речи Посполитой прежние договоры с Россией; это потребовало новых субсидий и денежных «наград». На военном совете в Жолкве было решено не давать шведам в Польше генерального сражения, отступать к границе и «дать баталию при своих границах, когда того необходимая нужда требовать будет; а в Польше на переправах и партиями, также оголожением провианта и фуража томить неприятеля».

Пограничные районы от Пскова до Смоленска и далее на юг спешно укреплялись, строились засеки, завалива-лись дороги. Жителям было предписано при переходе неприятеля через границу уходить в глубь страны, хлеб и сено заранее прятать в леса, а при приближении врага сжигать.

Русская армия отступила и расположилась следующим образом: главные силы в 57 тыс. человек под начальством Б. Шереметева размещены были около Витебска и Борисова, защищая путь на Смоленск и на Москву, а также на Петербург; в Ингрии находился 50-тысячный корпус Апраксина; отряд в 16 тысяч человек под начальством генерала Боура наблюдал за Ригой. Кроме того, в Киеве и в других городах Украины имелись войска под начальством Д. Голицына, а также украинские казаки с гетманом Мазепой во главе.

В июне 1708 г. шведы подошли к Минску, затем к Борисову. Перейдя Березину 3 июля, шведы столкнулись с русскими войсками при местечке Головчине. В этой битве проявились еще раз высокие боевые качества шведской армии. Ночью, в туман и дождь шведы неожиданно напали на левое крыло русских, перешли болота и намеревались отрезать дивизию Репнина. В этой дивизии «многие полки пришли в конфузию», — писал Петр. Это была, однако, последняя победа шведов.

В начале июля шведы заняли Могилев и здесь надолго задержались, так как Карл XII решил дожидаться вызванного им Левенгаупта, который шел к нему из Лифляндии с большим обозом боеприпасов и продовольствия.

Русская армия, отступая, беспрерывно тревожила неприятеля и затрудняла снабжение фуражом и продовольствием. Это заставило Карла покинуть Могилев еще до соединения с Левенгауптом. 4 августа шведы переправились через Днепр. Карл, повидимому, рассчитывал обойти русскую армию и двинулся к юго-востоку, к Черикову на реке Сож.

Отсюда он повернул на север, в обход войск противника, желая выйти к Смоленску. Однако этот маневр не удался. Авангард шведов встретился с русскими у местечка Доброе на реке Черная Напа. Здесь 29 августа русские разбили шведский отряд до прихода главных сил Карла. Петр писал о битве при Добром, что «я как и почал служить, такого огня и порядочного действия от наших солдат не слыхал и не видал». Но русская армия продолжала и после этой успешной битвы отходить на север, за реку Сож.

Шведы перешли тогдашнюю границу у деревни Стариши. Население уходило в леса, забирая скот и хлеб, сжигало все, что нельзя было увезти, ничего не оставляя неприятелю. Шведы голодали, их путь был усеян трупами. Вот как описывается современником, французским послом в Польше, состояние шведской армии в сентябре 1708 г. в опустошенных и покинутых населением пограничных районах: «Голод в армии растет с каждым днем; о хлебе больше уже не имеют понятия, войска кормятся только кашей, вина нет ни в погребах, ни за столом короля; король, офицер и солдат — все в равной степени пьют лишь воду... Царь приказал при нашем приближении сжигать все, начиная от границы до черты в двух лье от Смоленска — столицы этой местности... Как же мы будем существовать в этой ужасной пустыне? Ах, как тяжела эта война» [1].

Некоторые генералы советовали Карлу отступить к Могилеву и ждать там помощи от Левенгаупта, другие предлагали итти прямо на Смоленск. Но вследствие возросшего сопротивления русских Карл приказал 14 сентября повернуть к юго-востоку, с тем, однако, чтобы выйти к Брянску и затем через Калугу итти на Москву. Стычки с русскими не позволили шведам повернуть на восток. Русское командование разгадало маневр шведов и приказало укрепить Брянск. Карл пошел на юго-восток к Почепу, но город был уже в руках русских войск, и выход на Калужскую дорогу оказался для шведов закрытым.

Русское командование решило не допустить соединения Карла с отрядом Левенгаупта, шедшего из Лифляндии, от Риги. Был сформирован летучий отряд — «корволант» — в 12 тыс. человек под начальством Петра; он настиг отряд Левенгаупта 28 сентября при деревне Лесной близ Пропойска. После жестокой перестрелки и рукопашного боя шведы побросали артиллерию и обоз и, пользуясь ночной темнотой, бежали к Пропойску. Но русские помешали им переправиться здесь через Сож. Тогда шведы бросились вдоль реки и перешли ее несколько ниже. Левенгаупт явился к королю лишь с остатками своего отряда, но без припасов. Шведы потеряли из 16 тыс. человек убитыми 8,5 тыс., пленными 45 офицеров и 700 солдат и оставили в руках русских 7 тыс. возов с боеприпасами и продуктами.

Это была крупная победа; впоследствии, подготавливая историю Северной войны, Петр назвал битву при Лесной

---

[1] Труды императорского русского военно-исторического общества (Документы Северной войны), т. I, СПБ. 1909, стр. 229—231.

«матерью Полтавской баталии». Полтавская битва произошла ровно девять месяцев спустя.

Узнав о разгроме Левенгаупта, Карл XII двинулся на юг (из Костеничей, где он в этот момент находился), миновал Стародуб, уже занятый русскими, направляясь к Новгород Северскому. Русская армия шла параллельно шведской.

Поворот Карла на юг и вступление его в Украину были в значительной мере вынужденными ввиду невозможности выйти на дорогу к Смоленску или к Калуге из-за сопротивления русских войск. Не вступая в бой с главными силами шведов, русская армия беспокоила их постоянными стычками и укрепляла свои рубежи. Русский посол в Голландии Матвеев сообщал иностранные известия о том, что «швед, усмотря осторожность царских войск и невозможность пройти к Смоленску, также по причине недостатка в провианте и кормах, принял намерение итти в Украину, во-первых, потому, что эта страна многолюдная и обильная и никаких регулярных фортеций с сильными гарнизонами не имеет; во-вторых, швед надеется в вольном казацком народе собрать много людей, которые проводят его прямыми и безопасными дорогами к Москве; в-третьих, поблизости может иметь удобную пересылку с ханом крымским для призыву его в союз, и с поляками, которые держат сторону Лещинского; в-четвертых, наконец, будет иметь возможность посылать казаков к Москве для возмущения народного».

Таким образом, Карл XII повернул на Украину, усматривая в ней удобный плацдарм для сосредоточения там своих сил, сил польских союзников и крымских татар, а также в расчете на восстание казаков.

В октябре изменил Петру украинский гетман Мазепа. Измена подготовлялась давно, с 1703 г., когда начались переговоры Мазепы с польскими панами. Карл XII знал об этих переговорах. Новый польский король Станислав Лещинский так рассказывает об этом в инструкции своему резиденту при шведском короле в сентябре 1708 г.: «Мазепа прислал ко мне несколько гонцов с подтверждением данных мне раньше обещаний, он просил о помощи, уверяя попрежнему, что при моем приближении он возобновит со мной связь... Его величество король шведский знает обо всем происшедшем по этому поводу, и я не сомневаюсь, что он осведомлен о последних новостях из письма г-на Вахшлагера, которому я передал полученные мною от Мазепы сведения».

Мазепа выехал из своей резиденции, города Батурина,

и 28 октября явился к шведскому королю с 4—5 тыс. казаков. Он сумел также склонить к измене Запорожскую сечь. За изменниками шла прежде всего украинская знать, крупные помещики — «старши́ны», считавшие, что русское правительство стесняет их вольности и автономию Украины. Украинский же трудовой народ, а также средняя и мелкая старши́на остались верны союзу с братским русским народом.

Петр обратился к украинскому народу с манифестом по поводу измены Мазепы. В Глухове созвана была рада, избрали нового гетмана Ивана Скоропадского. Город Батурин был взят Меншиковым и сожжен. Весной 1709 г. отряд под начальством Яковлева разгромил Запорожскую сечь. Шведы зазимовали на Украине. Русские расположились поблизости, беспокоя неприятеля набегами и решительно преграждая дорогу на Белгород и Харьков, т. е. в глубь страны. Кроме того, был выделен отряд, затруднявший связь шведов с Польшей. Ярким моментом зимних военных действий была осада шведами города Веприка, где гарнизон из 1 500 солдат с полковником Юрловым храбро защищался, пока приход основных шведских сил во главе с Карлом XII не привел к взятию ими Веприка 7 января 1709 г.

Зимовка была тяжелой для обеих армий, но в особенности для шведов. Зима 1708/09 г. была чрезвычайно суровой. 17 ноября морозы достигли 30°Р, птицы замерзали на лету и падали на землю. Шведы голодали. Они потребовали, чтобы Мазепа собрал для них 24 тыс. волов, 40 тыс. свиней, 60 тыс. «осмачек» ржаной муки и 40 тыс. пшеничной. Однако Мазепа не смог выполнить это распоряжение. Население отчаянно сопротивлялось. Шведы стали сами грабить Украину.

На Украине поднялась партизанская война. Современник-летописец рассказывает, что «малороссияне везде на квартерах и по дорогам тайно и явно шведов били, а иных живых к государю привозили, разными способами бьючи и ловлячи блудящих, понеже тогда снеги великие были и зима тяжкая морозами, от которых премного шведов погинуло; а хотя мало от войска какие шведы удалялись, то тот уже и следу не зискал, блудили, и так их люди ловили или, подкравшись, ласкосердием будто, убивали, тож чинили шведам и за фуражом издячим, и от того много войска шведского уменьшылося».

В одном из донесений, полученных Меншиковым осенью 1708 г., говорилось, что украинцы «шведам продавать ничего не возят, а по лесам собрася конпаниями ходят и

шведом зело много бьют и в лесах дороги зарубают». Жители города Мглина мужественно защищались от шведов, а при приближении главных шведских сил ушли в леса. Так же энергично боролся против шведов городок Недригайлов, и неприятель вынужден был, спалив предместья, отступить от города. Жители («громада») города Пирятина также мужественно стояли против шведов, «в город не пустили и многих шведов побили, а иных в полон взяли». В другом случае «мужики в некотором месте, при Десне стоящем, с полторасто человек шведов порубили и в полон взяли». Особенно широко развернулась народная война к весне 1709 г. Карл XII, раздраженный партизанами, приказал уничтожать непокорное население огнем и мечом.

Шведы забирали в плен женщин и детей, нередко сжигали города и села, истребляли население.

Русская армия, не вступая в решительный бой с главными силами шведов, обессиливала их частыми стычками на Украине, разбила вспомогательный отряд Левенгаупта в битве под Лесной. С другой стороны, русское правительство развило энергичную деятельность, дипломатическую и военную, добиваясь внешнеполитической изоляции шведов, чтобы лишить их помощи со стороны Польши, турок и татар.

Петр всячески поддерживал в Польше своих сторонников. Он состоял в деятельной переписке с коронным польским гетманом Адамом Сенявским, сторонником России. В декабре 1708 г. Петр выразил ему благодарность за успешные действия и сообщил об отправке на Волынь семи русских драгунских полков. В январе в Польшу вновь были посланы конница и тринадцать пехотных полков. При этом особым соглашением подтверждался союз с Польшей.

В июне 1709 г. Сенявскому была выплачена очередная субсидия, оговоренная Биржинским трактатом, в 100 тыс. рублей. В мае русский корпус разбил в Польше шведский отряд Крассау и захватил его обоз.

В результате военных и дипломатических мероприятий русских Карл XII был лишен возможности воспользоваться помощью Станислава Лещинского, которого он поджидал на Украине. К тому же шведы должны были держать в Польше свои войска для поддержки Станислава.

Еще большее значение для исхода борьбы со шведами имели отношения России с Турцией и Крымским ханством. Шведы, а также Мазепа и Станислав старались побудить

крымского хана выступить против русских. С целью удержать турок и татар от активного вмешательства в войну русское правительство провело весьма удачную морскую демонстрацию под Азовом.

Петр, прибыв в феврале 1709 г. в Воронеж, приказал вооружить 61 корабль и 200 галер и отправить их к Азову. На пути, в Черкасске, он осмотрел 120 казачьих весельных судов, распорядился поставить на носу по пушке и грузить на суда провиант. Войска в Азове были увеличены. Посадив шесть пехотных полков на суда, Петр вместе с флотом выступил в Азовское море, в Троицкий городок.

Эти военные приготовления встревожили турецкое правительство. Русский посол в Константинополе Петр Толстой доносил, что слухи о русских мероприятиях «так возмутили здешний народ... что многие турки от страха начали было из Константинополя бежать в Азию; по улицам и рынкам кричали, что флот морской московский пришел уже во Фракийское гирло [1], и едва не вспыхнул бунт против султана и визиря».

Когда русский флот стоял в Азовском море, туда прибыл курьер от турецкого правительства с запросом по поводу морских приготовлений России. Турецкому посланцу показали готовый к выступлению флот и заявили, что вооружения являются ответом на то, что Крым и Турция «по указу султанскому собирают войска и приготовляются к походу» против России. Однако турецкий посланец клялся, что Турция будет сохранять мир и не станет помогать шведам. Петр отправил грамоты султану с заверением, что Россия не нарушит мира, если турки со своей стороны не намерены вступать в войну. В мае 1709 г. были получены из Константинополя мирные заверения турецкого правительства. Визирь отправил письмо крымскому хану с запрещением выступать против России и оказывать помощь Мазепе и шведам. Утверждение мира с Турцией было отмечено в Петербурге пушечной пальбой, и было отдано распоряжение разоружить флот и задержать шедшие с Дона к Азову суда.

Россия, добившись нейтралитета Турции и Крыма и затруднив выступление польского короля Станислава, блестяще осуществила изоляцию Карла XII. Шведская армия на Украине численно уменьшалась, терпела недостаток в снарядах и продовольствии, лишилась надежд на всякую помощь. Мазепа пытался снова возобновить сношения с Петром I.

---

[1] То-есть в проливы.

Весной 1709 г. русское правительство сделало еще одну попытку завязать мирные переговоры со шведами. Из Троицкого городка на Азовском море, где находился Петр, был отправлен к Карлу пленный швед с поручениями от русского царя. Петр соглашался на оставление за Россией из завоеванных к тому времени прибалтийских земель только Петербурга и Шлиссельбурга. Остальную часть Ингерманландии, а также Нарву и Лифляндию русское правительство готово было вернуть Швеции. Петр с нетерпением ожидал возвращения гонца. Но Карл ответил отказом, заявив, что заключит мир лишь в Москве и потребует уплаты за все военные издержки.

После тяжелой зимовки в апреле 1709 г. шведы приступили к осаде Полтавы. Шведы, повидимому, видели в Полтаве ключ к дорогам, идущим к центру страны, по направлению к Москве. Кроме того, захватом Полтавы Карл надеялся укрепиться на Украине, с тем чтобы спокойно дожидаться подхода поляков и татар. Город не имел достаточно сильных укреплений и не мог выдержать длительной осады. В Полтаве находился гарнизон из 4 200 солдат во главе с доблестным полковником Алексеем Степановичем Келиным. Петр приказал усилить полтавский гарнизон, и туда был введен отряд в 900 человек под начальством Головина из солдат, переодетых в шведские мундиры. Карл, узнав об этом, приказал было казнить тех, кто пропустил русских, а затем, успокоившись, сказал: «Я вижу, что мы научили русских военному искусству».

Келин энергично отражал все атаки шведов, нередко сопровождавшиеся подкопами. Шведы ощущали сильный недостаток в снарядах.

Русская армия стала стягиваться к району Полтавы, чтобы помочь осажденной крепости. Вместе с тем командование считало момент подходящим для генерального сражения против уже ослабевшей шведской армии.

Состоявший на русской службе генерал Алларт в своем «мнении», поданном им в ответ на запрос главнокомандующего Б. Шереметева, отчетливо указал на военные и международные условия, благоприятствующие генеральному сражению. «Можем с нашей стороны еще 10 лет войну продолжать, а никогда такого авантажу не получим, короля шведского в такое утеснение, нужду и окружение меж двумя реками[1] привесть, в каком отныне есть, — писал Алларт. — И опасаться надлежит, что ежели мы

[1] Шведская армия к весне 1709 г. была расположена между реками Пселом и Ворсклой, притоками Днепра. — *Ред.*

нынешнего случая не употребим, то король шведский вновь усилится и Станислава в свое расположение, також по времени поляков и Литву к своей стороне привесть может, и ежели генеральный мир в Европе учинится, как к тому надежда есть, то не надлежит сомневаться, что король французский короля шведского, яко вечного своего приятеля, вспомогать как советами, так и деньгами и людьми будет» [1].

Вернувшись из Азова к армии, Петр писал князю Г. Долгорукому: «Объявляем вам, что мы здесь намерены неприятеля всеми силами атаковать».

Русская армия 20 июня перешла на правый берег реки Ворсклы, на котором стоит Полтава. В 5 километрах от осажденной шведами крепости русские соорудили укрепленный лагерь, прикрытый с тыла рекой, а слева — густым лесом, который тянулся до Полтавы; перед лагерем расстилалась равнина, кончавшаяся также лесом у деревни Малое Будище. Между этими лесами была небольшая равнина длиной около километра.

Петр распорядился прикрыть равнину земляными укреплениями, редутами. Было выстроено шесть редутов и кроме того перпендикулярно к ним сооружены были четыре редута, два из которых не были закончены к моменту боя. Это первый в истории военного искусства пример применения подобных отдельно стоящих укреплений. Эти замечательные сооружения свидетельствуют о военном искусстве Петра, о его предусмотрительности и осторожности. Редуты должны были задержать неприятеля и расстроить его ряды при наступлении, а также могли служить опорной базой при переходе русских от обороны к контратаке.

Кроме того, не довольствуясь своей армией, численно превосходившей шведов, Петр вызвал 40 тыс. калмыков. Известие о приближении калмыков заставило Карла ускорить сражение, хотя он уже не мог исправить сделанную им ошибку, дав русским укрепить лагерь и стянуть сюда войска. При осмотре позиций 25 июня Карл XII был ранен казаками в ногу.

26 июня Петр I, объезжая полки, вызвал вперед офицеров и обратился к ним с речью, в которой указывал, что шведы стремятся оторвать Украину, и вместе с тем отмечал ослабление шведской армии. Так он подготавливал войска к бою, стремясь укрепить их бодрость и мужество.

---

[1] Речь идет о возможности мирного окончания войны за испанское наследство в Западной Европе.

Русские войска насчитывали 50 тыс. человек при 72 орудиях. Главные силы, 59 батальонов и артиллерия, находились в укрепленном лагере на берегу реки Ворсклы. Редуты были заняты конницей под начальством Меншикова и двумя батальонами пехоты. Кроме того, между деревнями Малое Будище и Решетиловкой расположилось казачье войско гетмана Скоропадского с целью преградить путь шведам при их отступлении.

Карл XII назначил бой на 27 июня—несколько раньше, чем этого желал Петр. По его словам, король «по своей обыкновенной запальчивой отваге в том нас упредил». Карл оставил 6 тыс. человек под Полтавой для прикрытия обоза и артиллерии. Остальные шведские войска составляли около 25 тыс. человек (23—24 батальона пехоты и 41 эскадрон конницы) при 4 орудиях.

Шведы выступили во втором часу ночи 27 июня по направлению к русским редутам, где завязался бой с конницей Меншикова. Шведам удалось захватить два еще недостроенных редута, но они понесли тяжелые потери при попытке занять следующие редуты. Тогда Карл приказал сомкнуть ряды и пройти мимо редутов с севера. Однако отряд под начальством Росса и Шлиппенбаха не поместился между редутами и северным лесом, оказался вследствие этого отрезанным и укрылся в южном лесу. Меншиков с отрядом конницы бросился преследовать Росса и уничтожил его пехоту, а шведская конница бежала к Полтаве. Под сильным ружейным и артиллерийским огнем шведы все же сумели пройти между редутами поперечной линии, так как русская конница отступила к укрепленному лагерю. Она выполнила поставленную ей задачу, задержала и расстроила благодаря редутам ряды шведов. Выйдя на равнину, шведы остановились и стали строиться в боевом порядке в одну линию, имея на флангах конницу, расположенную в две линии.

Наступил второй решающий период боя. Русские войска выходили из лагеря и строились в две линии: в центре—пехота под начальством Шереметева, на левом фланге—конница Меншикова, на правом — драгуны под начальством Боура. Петр приказал вывести из правого крыла шесть полков и отвести их в резерв, так как опасался, что, увидя численное превосходство русских, Карл захочет уклониться от боя. На возражения Шереметева Петр отвечал, что «больше побеждает разум и искусство, нежели множество».

К этому моменту, вероятно, относится следующий приказ, выслушанный армией; впрочем, некоторые историки

высказывают сомнение в его подлинности, так как он дошел до нас в более поздней редакции:

«Воины! Вот пришел час, который решит судьбу отечества. Итак, не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за отечество, за православную нашу веру и церковь. Не должна вас также смущать слава неприятеля, будто бы непобедимого, которой ложь вы сами своими победами над ним неоднократно доказали. Имейте в сражении пред очами вашими правду и бога, поборающего по вас. А о Петре ведайте, что ему жизнь его недорога, только бы жила Россия в блаженстве и в славе для благосостояния вашего!»

В русской армии было в строю 42 тыс. бойцов, в шведской после отделения отряда Росса оставалось 18 тысяч. Однако из двух линий русского войска в бою пришлось участвовать только одной. Общее командование принадлежало Б. Шереметеву, а Петр стоял во главе пехотной дивизии. Карл XII передал командование шведами Рейншильду, а сам, раненный в ногу, приказал нести себя в качалке перед правым флангом.

В начале девятого часа противники сблизились на пушечный выстрел, но, несмотря на артиллерийский огонь из русского лагеря, шведы шли вперед. На расстоянии 25 сажен они остановились, и началась ружейная перестрелка. Затем закипел рукопашный бой. Шведы напали на новгородский полк в центре русской линии, стремясь прорвать фронт и отрезать левое крыло от правого. Тогда Петр сам повел новгородцев, бросился в атаку, и опасный прорыв был уничтожен. Из 24 лиц, окружавших Карла, остались в живых лишь трое. Ядро разбило качалку Карла, он пересел на лошадь, которая была под ним убита, и король упал, лишившись чувств; его посадили в карету и увезли с места боя.

Между тем драгуны во главе с Меншиковым начали одерживать верх над шведской конницей и охватывать ее с правого фланга. Конница шведов стала отступать и обнажила правый фланг своей пехоты. Угрожаемое с фланга, правое крыло шведской пехоты дрогнуло, начало отходить назад. Русская армия стала энергично теснить шведов, те отступали все поспешнее и, наконец, перешли в бегство. Путь на запад им преграждал отряд Скоропадского. Они бросились к своему лагерю под Полтавой, но там уже хозяйничали русские. Тогда шведы пустились бежать по единственному свободному пути — правым берегом реки Ворсклы по направлению к Днепру.

После боя русская пехота выстроилась перед Будишенским лесом. Петр направился вдоль фронта и благодарил войска. Ему ответил речью М. Голицын.

Победа была отпразднована в тот же день пиром в царских шатрах с участием пленных шведов. Пушкин в поэме «Полтава» так изобразил это торжество:

Пирует Петр. И горд и ясен
И славы полон взор его.
И царский пир его прекрасен.
При кликах войска своего,
В шатре своем он угощает
Своих вождей, вождей чужих,
И славных пленников ласкает
И за учителей своих[1]
Заздравный кубок поднимает.

«Непобедимые господа шведы скоро хребет показали»,— писал Петр. Шведы прошли за трое суток 100 верст и 29 июня достигли берегов Днепра у Переволочны. Но здесь оказалось лишь несколько лодок. Только Карл и Мазепа с 2 тыс. шведов и казаков успели переправиться на другой берег.

Карл передал командование Левенгаупту, приказал ему перейти реку Ворсклу и пробираться в Крым. Но шведская армия, насчитывавшая свыше 16 тыс. человек, была дезорганизована и лишена продовольствия. 30 июня Меншиков с девятитысячным отрядом подошел к берегу Днепра и принудил шведов сдаться. «Может быть, в целой истории не найдется подобного примера покорного подчинения судьбе со стороны такого количества регулярных войск»[2],—доносил об этом своему правительству английский посол в России Витворт.

Шведы потеряли 9 284 убитыми и 18 794 пленными. Русские потери составляли лишь 4 635 убитыми и ранеными. Победа досталась, по словам Петра, «легким трудом и малой кровью». Полтавская победа явилась результатом блестящего качества русских войск, их стойкости и храбрости. Военное искусство Петра и его соратников, удачная военно-инженерная подготовка поля битвы и успешно проведенная изоляция шведов, лишившая их помощи извне, привели к полному разгрому шведов.

Полтавская «виктория» имела огромные последствия для России. Страна была освобождена от интервентов, стремившихся отнять Украину и проникнуть затем в глубь

[1] Петр называл шведов своими учителями военного дела.
[2] Сборник русского исторического общества, т. 50, стр. 207.

страны. Разгром шведской армии вместе с тем закреплял за Россией уже завоеванные ею берега Балтийского моря. В день битвы, в своем сообщении о «превеликой и нечаянной виктории» при Полтаве Петр говорил: «Ныне же уже совершенно камень во основание С.-Петербурга положен».

Карл XII бежал в Турцию и с пути прислал в Полтаву своего представителя для мирных переговоров. Но теперь требования Петра значительно возросли. Он настаивал на сохранении завоеванных Россией Нарвы, всей Ингрии, а также части Карелии с Выборгом и, кроме того, требовал передачи Ревеля (т. е. Эстляндии) в возмещение за убытки, причиненные России войной. Карл ответил отказом. До мира было еще далеко. Но война продолжалась в совершенно иных условиях, чем до Полтавы.

Изменение внешнеполитического положения России хорошо отметил английский посланник Витворт, который 6 июля уже сообщал своему правительству: «Эта победа, вероятно, изменит положение дел на всем севере, и первый, кажется, почувствует перемену король Станислав, так как царское величество, кажется, решился двинуться в Польшу, прежде чем шведы успеют собрать новую армию» [1].

13 июля русская армия была выведена из-под Полтавы. Одна часть с Б. Шереметевым во главе направлялась в Лифляндию для осады Риги, другая, с Меншиковым, шла в Польшу, чтобы действовать против Станислава и оставшихся там шведских войск.

Август возвращался в Польшу с саксонскими войсками, а Станислав и шведский корпус Крассау спешно уходили на север, в шведскую Померанию (в Германию). Петр направился в Варшаву, где его поздравляли польские сенаторы. В Польшу к нему явился посланец от прусского короля с приглашением личного свидания.

15 июля в Кельне между польским, датским и прусским королями был заключен договор о союзе, направленном против Швеции. Этот союз был только оборонительным. Договаривающиеся стороны, и в том числе Пруссия, обязывались не пропускать шведских войск через свои владения. В июле же в Дрездене был возобновлен союз между Августом II и русским правительством для войны со Швецией. Август вновь должен был занять польский престол, и Россия обещала помогать ему деньгами и войском.

Встреча Петра со своим слабым и неверным союзником Августом II в Торне состоялась в октябре 1709 г. 9 октября

[1] Сборник русского исторического общества, т. 50, стр. 200.

здесь был подписан трактат с Августом II, который должен был заменить июльский договор, а также все прежние трактаты. Петр обещал помочь в возвращении Августу польской короны, обе стороны гарантировали друг другу по окончании войны существующие границы и вновь завоеванные земли. Решено было предать забвению дело о выдаче Паткуля, вызвавшее недовольство Петра.

На следующий день, 10 октября, там же, в Торне, был подписан «особливый секретный артикул», в котором впервые появляется условие, что Эстляндия должна остаться навсегда за Россией. Между тем в предыдущих договорах с тем же Августом Петр ограничивался только Ингерманландией [1].

В Торн для возобновления союза с Россией явился датский посланник. От имени своего правительства он поздравил русских с победой. 11 октября был подписан трактат с Данией, которым возобновлялся и подтверждался союзный договор против Швеции, заключенный в 1699 г. между Россией и Данией накануне Северной войны. Датское правительство обязалось разорвать союз с королем шведским и еще той же осенью «наступать на его морем и сухим путем». Было постановлено совместно помогать восстановлению Августа на польском престоле, приступить к заключению с Россией договора о торговле и о «вольном проходе» морем и сушей подданных обеих стран. Россия и Дания обязались стараться привлечь к наступательному союзу против Швеции также и Пруссию [2]. Во исполнение этого договора датский король в конце октября 1709 г. объявил войну Швеции.

Таким образом, в результате Полтавской победы был возобновлен между Россией, Данией и Польшей союз против Швеции.

Полтава привела также к резкому повороту в политике прусского короля. До этого он занимал нейтральную позицию, колеблясь и выжидая исхода Северной войны, чтобы захватить кое-что для себя там, где не сеял и не жал. Сперва он ждал выгод себе от шведского короля, и все попытки русского правительства склонить прусского короля к посредничеству между Россией и Швецией не имели успеха. Карл XII обещал пруссакам польский город Эльбинг в устье Вислы и часть польской территории для установления территориальной связи между Бранденбургом и Пруссией. Но разгром Карла XII русскими войсками за-

---

[1] *Бантыш-Каменский*, Обзор внешних сношений, т. III, стр. 197—198.
[2] Полное собрание законов, т. IV, № 2237.

ставил Пруссию заключить в июле 1709 г. в Кельне договор с Польшей и Данией, а 21 октября 1709 г. Россия и Пруссия подписали в Мариенвердере договор, повторявший июльский. Союз с Пруссией был только оборонительным. Прусский король обязался не пропускать шведские войска через свои владения, а в случае их прохода препятствовать им вооруженной силой. Петр обещал передать Пруссии город Эльбинг, очистив его от шведского гарнизона [1].

Пока шли эти дипломатические переговоры, войска под начальством Б. Шереметева осадили Ригу. Осада сильно затянулась, Рига была взята лишь в июле следующего, 1710 г. Вслед затем сдался город Пернау, был занят остров Эзель и город Ревель. Так было закончено завоевание русскими Лифляндии и всей Эстляндии.

Один из умных и деятельных сотрудников Петра, Алексей Курбатов, имея в виду эти завоевания, назвал Петра «всеусерднейшим расширителем» государства и «преславным обогатителем народа». Курбатов был тесно связан с московским купечеством, которое было экономически заинтересовано в завоевании новых гаваней.

В том же 1710 г. войска и флот с Петром в качестве контрадмирала направились для осады Выборга. После осады с моря и с суши в июне Выборг сдался. Петр отлично понимал стратегическую необходимость для России Выборга и называл его «крепкой подушкой Петербургу».

Балтийское побережье от Выборга до Риги находилось теперь в руках русских. Победа под Полтавой, на полях Украины, привела к быстрому усилению международного значения России и в конечном счете обеспечила завоевание Прибалтики.

VII. ПРУТСКИЙ ПОХОД. РУССКИЕ ПОБЕДЫ В ПОМЕРАНИИ. ЗАВОЕВАНИЕ ФИНЛЯНДИИ

1

Разгром шведской армии затрагивал интересы ряда крупных государств, которые могли опасаться усиления России. Английский и голландский послы после Полтавской победы отговаривали датское правительство от возобновления союза с Россией и от разрыва со Швецией;

[1] *Мартенс*, Собрание трактатов, т. V, стр. 53 и сл.

Голландия заявила Пруссии о нежелательности заключения союза с Россией ввиду опасности чрезмерного усиления последней. Эти морские державы грозили принять сторону Швеции; Франция также стояла на стороне шведского короля. Турция была недовольна пребыванием русских войск в Польше и боялась проникновения России на юг, превращения ее в морскую державу с флотом на Азовском море.

Карл XII бежал после полтавского разгрома в Турцию и там старался побудить султана к войне с Россией. «Теперь король шведский неизреченные соблазны туркам доносит и делает им большие обещания, чтоб они начали войну против царского величества, в чем ему много помогает хан крымский, — сообщал из Константинополя русский посол Петр Толстой. — Турки видят, что царское величество теперь победитель сильного народа шведского и желает вскоре устроить все по своему желанию в Польше, а потом, не имея уже никакого препятствия, может начать войну с ними, турками. Так они думают, и отнюдь не верят, чтоб его величество не начал с ними войны, когда будет от других войн свободен».

Карл XII предлагал Турции заключить союз со Швецией. Карл жил в Бендерах (Бессарабия) и оттуда писал турецкому султану о своих планах: «В сопровождении вашей храброй конницы я возвращусь в Польшу, подкреплю оставшееся там мое войско и снова внесу оружие в сердце Московии».

Русский посол в ноябре 1709 г. добился возобновления мирных отношений с Турцией, запретившей крымскому хану нарушать мир. Вместе с тем было договорено, что шведский король будет выслан из пределов Турции и что он проедет через Польшу в Швецию. Но это условие оставалось невыполненным.

Петр требовал выполнения всех условий соглашения, угрожал добиться силой удаления Карла, но турецкое правительство колебалось; Карл не хотел уезжать и натравливал турок на Россию. В ноябре 1710 г. турецкое правительство приняло решение начать войну с Россией. Военные действия намечались на весну.

Петр приказал стягивать войска к границам Молдавии, и в марте 1711 г. сам выехал из Москвы. У него было тяжело на душе: война с Турцией создавала новый фронт, осложняла положение, и с дороги он писал, что перед ним «безвестный и токмо единому богу ведомый путь».

Для борьбы с турками было решено привлечь на сторону России православное и славянское население Турции. Еще

во время «великого посольства» 1697—1698 гг. была сделана попытка отыскать в славянских странах моряков и мастеров для приглашения их на службу в Россию. Тогда же, будучи в Вене, Петр вел сношения с сербским патриархом Арсением, хлопотавшим о заступничестве царя перед венским двором за австрийских сербов. Теперь, перед новой войной с турками, оживлялись связи с турецкими славянами.

В мае 1710 г. два полковника-серба просили Петра о помощи сербам: «Милостивым оком воззри на нас, убогих, и твоими царскими щедротами промысли о нашей отеческой сербской земле, от многих лет, грех ради наших, ярмом бусурманским обремененной», — писали они.

Сербский полковник Милорадович был отправлен в Черногорию с грамотой, призывающей черногорцев восстать против турок. В ней говорилось, что в наступающей войне Россия ставит целью не только «против бусурмана отпор чинить, но и сильным оружием в середину владения его вступить и православных христиан, аще бог попустит, от поганского ига освободит». Петр призывал черногорцев вместе с Россией подняться «за веру и отечество, за честь и славу вашу и за свободу и вольность наследников ваших».

Русское правительство в особенности надеялось на участие в войне дунайских княжеств Валахии и Молдавии (на территории нынешней Румынии), входивших тогда в состав Турецкой империи. Вассал турецкого султана, молдавский господарь Дмитрий Кантемир тайно сносился с русскими и в апреле 1711 г., при приближении русской армии, заключил договор, по которому отдавал Молдавию в подданство России. При этом власть господаря должна была сохраниться за родом Кантемира, а княжество—получить автономию внутри русского государства; если же русские не будут иметь успеха, то Кантемир выговаривал себе поместья и дома в России и содержание от казны. Валашский господарь Бранкован хитрил и, несмотря на переговоры с русскими, оставался верен туркам.

Петр торопил выступление русских войск в надежде на восстание турецких христиан. Он сообщал фельдмаршалу Шереметеву, напутствуя его в поход, что «господари пишут, что как скоро наши войска вступят в их земли, то они сейчас же с ними соединятся и весь свой многочисленный народ побудят к восстанию против турок; на что глядя и сербы (от которых мы такое же прошение и обещание имеем), также болгары и другие христианские народы встанут против турка, и одни присоединятся к нашим войскам, другие подымут восстание внутри турецких областей; в таких обстоятельствах визирь не посмеет пе-

рейти за Дунай, большая часть войска его разбежится, а может быть и бунт поднимут»[1], — надеялся Петр.

Шереметеву была поставлена задача перейти турецкую границу и притти к Дунаю раньше турок. Молдавский господарь Кантемир перешел на сторону русских, но валашский господарь Бранкован не давал продовольствия и даже извещал турок о малочисленности русской армии, указывал, что она терпит недостаток в продовольствии, и сулил Турции легкую победу над русскими.

Когда русская армия пришла к реке Днестр, на военном совете решено было итти дальше, но беспокоил недостаток провианта. К моменту приезда Петра в армию провианта имелось всего на пять дней.

На реке Прут близ города Яссы русская армия столкнулась с турками. Турок было около 120 тыс. и с ними 70 тыс. татар, а русских всего 38,2 тыс. Шведские генералы, находившиеся при визире, советовали ему окружить русских, пресечь подвоз провианта, тогда голодное и утомленное русское войско без боя окажется в руках турок. Но визирь не согласился, он хотел решить дело сразу путем атаки.

Сражение на реке Прут произошло 9 июля 1711 г. Турки построили пехоту острым клином, обращенным к русским, а конница действовала кругом, рассыпанная «подобно саранче». Турки били клином в одно место, что позволяло нашей артиллерии бить ядрами и картечью по этой мишени. Потери турок поэтому были очень велики, составив за один день 7 тыс. человек. После трехчасового боя турки были отбиты и стали строить земляные укрепления и расставлять батареи.

На следующий день визирь отдал приказание повторить атаку, но турецкая гвардия, янычары, отказались итти в бой, испуганные упорным сопротивлением русских.

Положение русской армии оставалось тем не менее весьма тяжелым: ее окружал противник, во много раз превышавший русскую армию своей численностью. После военного совета 10 июля фельдмаршал Шереметев послал письмо к визирю с предложением мира. В случае отказа турок от мирных переговоров было решено отступить, пробиваясь силой через неприятельское окружение.

В инструкции Шереметеву, посланному для переговоров с турками, Петр заранее соглашался на уступки всего завоеванного у турок в Азовских походах.

---

[1] *С. Соловьев*, История России с древнейших времен, кн. III, изд. «Общественная польза», стр. 64.

Турки сами желали мира; визирь был обеспокоен неповиновением янычар и жалобами на большие потери. 12 июля 1711 г. мир был подписан на условиях, значительно более благоприятных, чем можно было ожидать.

Азов, завоеванный у турок полтора десятка лет до того, должен быть возвращен туркам, так же как крепости и города, выстроенные русскими на берегу Азовского моря (Таганрог) и по течению Днепра. Шведский король должен получить свободный проезд в Швецию; русские войска должны быть выведены из Польши; Россия и Турция отказывались от вмешательства в польские дела. Крымские татары сохраняли право укрывать у себя перебежчиков-казаков. Договор был подписан с русской стороны подканцлером П. П. Шафировым и сыном фельдмаршала М. Б. Шереметевым. Они должны были остаться в Турции в качестве заложников.

Визирь требовал, чтобы русские обязались заключить мир со шведами и разрешили свободный проход Карла XII через русские владения. Петр согласился и на эти условия. Но Карл XII думал не о мире, а о том, как бы склонить Турцию к продолжению войны.

Карл прискакал из Бендер, когда договор был уже подписан. Шведский король в сильном гневе выговаривал визирю, что мир был заключен без его ведома. Карл считал, что визирь мог бы захватить всю русскую армию, и требовал, чтобы тот дал ему командование над войском, самонадеянно утверждая, что он атакует и разобьет русских. Но визирь отказался и ответил королю: «Ты уже их испытал, и мы их видели, а буде хочешь, то атакуй их своими людьми» [1].

После заключения мира русская армия выступила из лагеря с барабанным боем, с распущенными знаменами, а конница — с обнаженными палашами.

Мир с Турцией, однако, не был обеспечен. Турки требовали немедленной передачи им Азова и вывода русских войск из Польши, а Петр настаивал на предварительной высылке Карла XII из пределов Турции. Той же осенью султан вновь объявил войну России, выставив новое требование — передачу туркам Украины.

Но весной 1712 г. мир был возобновлен. Новый договор стоил много денег, заплаченных визирю, придворным, английскому и голландскому послам, содействовавшим его заключению, секретарям и переводчикам. Согласно договору, русские войска должны были покинуть Польшу,

[1] *И. Голиков,* Деяния Петра Великого, т. IV, стр. 261.

турки обещали выслать Карла XII, когда сами почтут это нужным сделать, на Украине русские владения на правом берегу Днепра ограничивались только Киевом, с прилежащими к нему землями; в низовьях Дона, за Черкасском, запрещалось русским строить крепости. Мир был заключен на 25 лет. Но и этот мир был непрочен. Русские войска продолжали оставаться в Польше, к тому же шведы и французский посол старались возбудить султанское правительство против России, указывая, что для Турции более выгодно восстановить могущество Швеции, заставить царя вернуть шведам все завоевания, отнять Украину и т. п. Осенью 1712 г. султан вновь объявил войну, но военных действий не начинал. Только летом 1713 г. мир с Турцией был окончательно подтвержден.

Сейчас же после Прутского похода, в 1711 г., Петр, извещая сенат о заключении мира на условии возвращения Азова, заявлял: «Сие дело есть хотя и не без печали, что лишиться тех мест, где столько труда и убытков положено; однакож чаю сим лишением другой стороне великое укрепление, которая несравнительною прибылью нам есть».

Под «другой стороною» он имел в виду войну в Прибалтике со шведами. С ликвидацией турецкого фронта можно было все силы снова направить против шведов.

2.

Перенесению военных действий в Финляндию, принадлежавшую тогда Швеции, Петр придавал весьма важное значение. Стратегическую роль Финляндии как театра военных действий он видел в том, что отсюда можно было угрожать самой Швеции, к тому же шведы получали из Финляндии провиант и дрова. Занятие этого края должно было, по словам Петра, привести к тому, что «шведская шея легче гнуться станет». Силы Швеции еще не были исчерпаны, и союзникам надо было продолжать борьбу, чтобы принудить неприятеля к выгодному для себя миру.

Россия обязалась договором с Данией в октябре 1709 г. «чинить нападение в Финляндии», тогда как Дания должна была вторгнуться в Шонию, южную провинцию Швеции. Однако при высадке в Шонии в 1710 г. датчане потерпели поражение.

Первая диверсия в Финляндии была предпринята русскими только в 1712 г. и в начале протекала неудачно. Русский флот оказался запертым в Кронштадте шведским флотом, а сухопутные силы, выйдя из Выборга, столкнулись со шведами, занявшими сильную позицию, и вынуждены были отступить.

Но в течение 1713 и 1714 гг. военные действия в Финляндии развернулись весьма успешно на суше и на море и привели к полному занятию этой шведской провинции.

Весной 1713 г. галерный флот выступил из Петербурга, соединился в Кронштадте (Кроншлоте) с корабельным флотом и подошел к Гельсингфорсу. Бомбардировка с кораблей вызвала пожары в городе, а ночью была произведена высадка десанта. Войска во главе с Петром заняли Гельсингфорс, охваченный пламенем. Однако высадка была проведена с чрезмерной медлительностью, вследствие чего неприятель успел отступить. Пришлось вновь посадить полки на суда и догонять ушедших шведов. Наконец, 15 августа Гельсингфорс был занят вторично после осады с моря и с суши под руководством самого Петра.

Гельсингфорс имел крупное значение как морская гавань для русского флота, а также в качестве опорной базы для сухопутных военных действий. С занятием Гельсингфорса восточная часть Финского залива переходила полностью в распоряжение России.

Русские войска преследовали уходивших шведов и настигли их к северу от Тавастгуса. 6 октября 1713 г. в бою у деревни Пелкиной шведам было нанесено жестокое поражение. Это было первое крупное сражение в Финляндии, и русские проявили в нем военное искусство и исключительную энергию. Бой сопровождался с русской стороны речным десантом на галерах и плотах, применением ближнего обхода и скрытной подготовки операций.

В 1714 г. шведские войска вновь были разбиты близ города Вазы, у деревни Лаппола. Отряд под начальством князя М. Голицына бросился в бой, несмотря на численное превосходство шведов. Голицын выстроил войска в две линии, а конницу поставил за пехотой также двумя линиями (т. е. всего было четыре линии); артиллерия была расположена на флангах и служила опорой для флангов. «Более наглядного выражения идеи резерва и стремления дать особую устойчивость боевому порядку, приближающемуся по общей своей схеме к современному нам, едва ли можно представить»[1], — говорит военный историк А. Мышлаевский. Таким искусным построением был создан противовес численному превосходству шведов; в этой операции в русских войсках имелись команды лыжников.

В бою у деревни Лаппола шведы были разгромлены;

---

[1] *А. Мышлаевский*, Петр Великий. Война в Финляндии в 1712—1714 гг., СПБ. 1896, стр 308.

на следующий день был занят город Ваза. Шведы потеряли, по русским известиям, 5 133 убитыми и 535 пленными, потери русских составили 421 убитых и 1 047 раненых.

Военное руководство Голицына в этом сражении по справедливости называют блестящим. Он создал целесообразную организацию войска, обнаружил уменье своевременно изменить боевой порядок и с крайней энергией вел контратаки.

В 1714 г. была взята крепость Нейшлот в восточной части Финляндии, близ Кексгольма, расположенная на острове Сайменского озера. Русская артиллерия после пятидневной бомбардировки пробила брешь в крепостной стене, шведы, не дожидаясь штурма, 29 июля сдались. Осада Нейшлота также показала крупные успехи русского военного искусства. Большую роль в успешной осаде сыграли инженерные сооружения и отличная работа артиллерии,— было достигнуто полное обложение крепости. В особенности важно подчеркнуть, что дело не дошло до крайнего средства — штурма, крепость была взята в результате военного искусства и технических знаний.

Наиболее ярким моментом Финляндского похода был знаменитый морской бой летом 1714 г. у мыса Гангута (мыс Хангё).

Русские морские суда составляли корабельный и галерный флоты. Корабельный флот находился в этот момент в гавани у Ревеля и состоял из 16 крупных кораблей с 844 орудиями, 8 фрегатов и шняв и 19 галер; всего на них было 1 060 орудий и 8 тыс. экипажа. Однако флот был еще далек от совершенства. Корабли уступали по своим качествам шведским, и капитаны были не всегда достаточно опытны и искусны; суда неумело маневрировали, теряли дистанцию и равнение, отчего зависело правильное построение в боевой порядок.

Галерный флот состоял из небольших судов, шедших на веслах и под парусами; общее число их доходило до 100, разделенных на три эскадры. На галерах была размещена пехота — 33 батальона, до 13,5 тыс. человек. Преимуществом галер была их независимость от попутного ветра. Галерный флот стоял у Гельсингфорса.

Весной 1714 г., казалось, было достигнуто соглашение России с Данией о совместных действиях флотов обеих стран против шведов. Предполагалось нанести сильный удар по шведскому флоту, уничтожить его и затем перенести войну на территорию Швеции. Но Дания предварительным условием для вступления в военные действия ставила денежную субсидию со стороны России. Вслед-

ствие недостатка денег Петр решил выступить самостоятельно против шведского флота, не дожидаясь Дании.

Летом 1714 г. шведский флот стоял близ мыса Гангут, в составе 16 кораблей в 60—70 пушек каждый, 8 галер и 5 других судов. Ничтожное количество галер в шведском флоте затрудняло его действия во время безветрия, чем и воспользовалось, как мы увидим, русское командование.

Главную роль в борьбе со шведским флотом пришлось отвести галерному флоту, русский корабельный флот должен был иметь лишь вспомогательное значение.

После осмотра галерного флота и посещения Петром мыса Гангута, уже занятого русскими войсками, было решено обойти шведский флот, перетащив русские галеры по суше волоком через наиболее узкую часть полуострова.

Суда надо было переволочить с южного берега мыса Гангута на северный для последующих действий в тылу шведского флота. Для этого в самом узком месте, около 2 километров длины, стали строить помост из бревен, по которому должны были передвигаться суда.

Когда шведский адмирал Вартанг узнал о начатых работах, он решил произвести демонстративный маневр, чтобы помешать прокладыванию переволоки. 25 июля он направил часть шведского флота под начальством Лилия на юго-восток от мыса Гангута, в обход русского галерного флота, находившегося в этот момент несколько восточнее шведского флота (у Тверлинда).

Немногочисленные шведские галеры с одним фрегатом под начальством Эрншильда были направлены адмиралом в противоположном направлении, на северо-запад, к другому концу переволоки. Третья часть шведского флота оставалась близ оконечности мыса Гангута на прежней позиции. Раздробив свои силы, шведский адмирал совершил крупную ошибку, которой умело воспользовался Петр.

На следующий день после этих передвижений ветер спал и настал полный штиль. Парусный шведский флот лишился возможности двигаться, положение шведов стало опасным.

Тогда русским галерам было поручено прорваться на запад между корабельными эскадрами Вартанга и Лилия. 20 русских скампавей (небольшие галеры) скользили на веслах мимо шведских кораблей, огонь которых не долетал до судов противника. Они скрылись за изгибом Гангутского мыса. Петр приказал направить следом за первыми еще 15 скампавей тем же путем.

На следующее утро, 27 июля, штиль продолжался, и

весь галерный флот двинулся в том же направлении в обход мыса Гангута. Шведские корабли, бессильные преследовать, открыли жестокую пальбу, которая, однако, не помешала русским галерам совершить их смелый маневр. Только одна скампавея села на мель и была захвачена шведами. Таким образом, галерному флоту удалось прорваться через линию, охраняемую шведскими кораблями, и обойти мыс.

Теперь русские галеры должны были уничтожить эскадру Эрншильда, расположенную между полуостровом Гангутом и островами к северу от него. Шведская эскадра состояла из одного фрегата с 18 пушками, 6 галерами по 14—16 пушек каждая и 3 шхерботами по 4—6 орудий. На стороне шведов было преимущество артиллерии — 116 орудий. Численность экипажа равнялась 941 человеку.

Русский галерный флот не мог развернуться в узком заливе. В бою участвовал поэтому лишь передовой отряд в 23—24 скампавеи под начальством А. Вейде. На них была размещена пехота, в том числе гвардейцы Преображенского и Семеновского полков, всего 3 245 человек. Они должны были, несмотря на более мощный огонь шведских судов (116 орудий против 24 пушек), взять их на абордаж, для чего пришлось бы влезать с небольших скампавей на шведские суда снизу вверх. Русским грозили при этом, по словам военного историка, три смерти: от штыка, огня и воды[1].

На предложение сдаться Эрншильд ответил отказом; тогда на русской адмиралтейской скампавее взвился синий флаг и раздался пушечный выстрел — это был сигнал «вступать в бой». Был третий час дня. Передовой отряд из 23—24 скампавей, имея в тылу остальной галерный флот, дважды подходил к шведским судам, но был отбит жестоким артиллерийским огнем. Наконец, суда снова пошли на абордаж. В тесноте скампавеи задевали друг друга веслами. В современном описании боя говорится, что «абордирование так жестоко чинено, что от неприятельских пушек несколько солдат не ядрами и картечами, но духом пороховым из пушки разорваны».

Через два часа после начала боя отпор шведов начал слабеть, и неприятельские суда одно за другим стали сдаваться. Эрншильд хотел спастись на лодке, но был замечен и взят в плен.

Гангутский бой был первой крупной морской победой

---

[1] См. *Мышлаевский*, Петр Великий. Война в Финляндии в 1712—1714 гг., СПБ. 1896, стр. 412.

русских, это было началом славы нашего военно-морского флота.

Морскую битву при Гангуте сравнивают со сражением под Лесной, предшествовавшим Полтаве. Шведы были разбиты на море, но это была второстепенная эскадра, главный корабельный флот их не был уничтожен. Гангут не был еще морской Полтавой, но он открыл путь далее в море.

В результате победы при Гангуте был занят главный город Финляндии Або, и в начале августа русский галерный флот двинулся к Аландским островам. Шведский флот отступил к Стокгольму. Однако недостаток продовольствия не позволил закрепиться на Аландских островах, и Петр вместе с частью флота двинулся обратно. Другая часть русского флота во главе с адмиралом Апраксиным пошла на север Ботническим заливом. Были заняты города Ништадт и Ваза.

Исключительная по смелости операция выполнена была генералом Головиным, который на девяти скампавеях пересек от Вазы Ботнический залив и высадил десант в 800 человек на шведском берегу, у города Умео. Шведские войска отступили в глубь страны, и Головин занял город, оставленный жителями. Но он не решился итти далее в глубь Швеции и вернулся обратно в Финляндию. Поиск Головина имел важное значение как первый русский десант на территории Швеции.

Шведские сухопутные силы уходили на север Финляндии, к реке Торнео. Финляндия была «отлучена» от Швеции. При этом занятие Финляндии означало угрозу переноса военных действий в Швецию.

Война в Финляндии в 1712—1714 гг. показала крупные успехи русских в военном искусстве. Военные действия отличались последовательностью, продуманностью, отличной подготовкой и дружной работой сухопутных и морских сил. Петр проявил исключительную энергию и способность к неожиданным, смелым решениям в сочетании с необходимой осторожностью.

3

Наряду с Финляндией пламя войны охватило и северную Германию. Швеция владела в Германии княжествами Бремен и Верден на реке Везере и западной Померанией с городами Штеттин, Штральзунд, Висмар и другими. Шведские войска, находившиеся в Польше для поддержки Станислава Лещинского, после Полтавской битвы отходили на север, в шведскую Померанию.

Морские державы Англия и Голландия опасались распространения военных действий на германские провинции Швеции. Они боялись за свою торговлю на Балтийском море и не желали допускать русских завоеваний на южном побережье Балтийского моря. Англия, Голландия и Австрия уже в начале 1710 г. заключили в Гааге конвенцию, по которой они гарантировали нейтралитет Померании, Бремена, Вердена и датских областей — Ютландии и Шлезвига. К этой конвенции присоединилась также Россия и ее союзники. Таким образом, казалось, военные действия не должны были затронуть эти области.

Но Карл XII во время пребывания в Турции протестовал против Гаагской конвенции, он надеялся на победу Турции в Прутском походе и на расширение последующих военных действий шведов против русских; шведские войска в Померании были усилены. Это рассматривалось Петром как нарушение нейтралитета шведских провинций в Германии[1].

Возобновление союза России с Данией и Польшей в 1709 г. и союз с Пруссией (см. выше) также предусматривали в договорах с этими государствами военные действия как в Финляндии и на юге Швеции, так и возможность перенесения их на территорию Германии. Петр входил в сложные отношения с германскими герцогствами, курфюршествами и вольными городами.

Надо было устранить опасность соглашения Пруссии со Швецией. Вследствие этого в развитие оборонительного договора 1709 г. было решено в 1711 г. заключить новый союзный договор между Россией и Пруссией. На основании этого договора прусский король обязался выступить против шведов в том случае, если шведские войска будут наступать из Померании в Польшу. Трусливый и хищный прусский король Фридрих I, желавший урвать добычу даром, без каких-либо жертв, отказался ратифицировать этот договор. Та же история повторилась в 1712 г., когда переговоры о новой союзной конвенции с Пруссией оборвались, так как король в последний момент отказал в ее ратификации.

Русские войска были введены в Померанию. В 1711 г. союзные — русские, датские и саксонские — войска осадили город Штральзунд, но действовали вяло и несогласованно, и осада затянулась. В следующем году русское войско с Меншиковым осадило город Штеттин, в устье реки Одер.

[1] *М. Полиевктов*, Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира, СПБ. 1907, стр. 20—23.

В 1713 г. здесь были достигнуты значительные успехи. Петр преследовал шведские войска в Голштинии и занял город Фридрихштадт. Союзники захватили остров Рюген, осадили шведский отряд под начальством Стенбока, находившийся в голштинской крепости Тенинген, и принудили его сдаться. Осенью 1713 г. Меншиков захватил город Штеттин, отдав его «под секвестр» прусскому королю. В связи с этим был, наконец, заключен договор с новым прусским королем Фридрихом-Вильгельмом I (после смерти Фридриха I). В договоре шла речь о передаче города Штеттина Пруссии за то, что король обязывался соблюдать нейтралитет и вместе с тем обещал не допускать перехода шведских войск из Померании в Польшу, Саксонию или Голштинию. Этот договор являлся поворотным пунктом в политике Пруссии. Швеция смотрела на занятие прусскими войсками Штеттина как на объявление ей войны, и теперь Пруссия более нуждалась в поддержке России, чем сама Россия в ее помощи. В 1714 г. (1 июня) был подписан новый союзный трактат между Россией и Пруссией, которым Петр обязался после мира со шведами передать Штеттин Пруссии, а Фридрих-Вильгельм I гарантировал присоединение к России завоеванных уже ею провинций — Ингрии, Карелии и Эстляндии.

Союзники стремились теперь к изгнанию шведских войск из Померании, и в 1715 г., 30 сентября, был заключен новый трактат, в силу которого Россия посылала в помощь Пруссии корпус войск для военных действий на острове Рюгене и осады Штральзунда и Висмара[1].

Оживленные переговоры завязались также с ганноверским курфюрстом, с которым был заключен в 1710 г. договор о дружбе и союзе. Ганновер домогался присоединения принадлежавших шведам герцогств Бремена и Вердена. Ганноверский курфюрст при этом развивал план раздела шведских владений на территории Германии. Пруссия, согласно этому плану, должна была закрепить за собой Штеттин, ганноверский курфюрст получал Бремен и Верден, Дания — Шлезвиг, голштинский герцог вознаграждался за потерю Шлезвига другой территорией, а герцог мекленбургский должен был получить город Висмар. Но упорство Дании затянуло переговоры по ганноверскому плану. Только в 1715 г. удалось договориться.

Ганноверский курфюрст стал к этому времени английским королем и в октябре 1715 г. заключил с Россией союзный договор (в Грейфсвальде), согласно которому за

[1] См. *Мартенс*, Собрание трактатов, т. V, стр. 88—119.

Ганновером в будущих мирных переговорах со Швецией обеспечивались герцогства Бремен и Верден, а Россия должна была приобрести Ингрию, Карелию и Эстляндию с Ревелем. Россия, Ганновер, Пруссия и Дания составляют «концерт» с взаимным обязательством не заключать мира один без другого [1].

В 1714 г. вернулся из Турции Карл XII и начал военные действия против союзников; он защищал город Штральзунд, который, однако, в следующем году был занят датскими и прусскими войсками.

В общий водоворот политических соглашений было втянуто также Мекленбургское герцогство, расположенное к западу от шведской Померании. Мекленбург разорялся войсками обеих воюющих сторон. Мекленбургский герцог обратился к русским за помощью против своего мятежного дворянства. Для заключения союза с Мекленбургом Петр согласился на брак герцога с своей племянницей царевной Екатериной Ивановной. В брачный договор, заключенный в 1716 г., было внесено условие, обеспечивавшее за Мекленбургом город Висмар, для чего туда должен был направиться русский корпус. Это же было подтверждено союзным договором 8 апреля того же года между Петром и герцогом мекленбургским. Петр обещал передать ему на службу девять или десять русских полков и помочь присоединить город Висмар. За это герцог соглашался пропустить русские войска через свои владения и допускать русские военные корабли в свои гавани [2]. Город Висмар был взят 16 апреля 1716 г. датскими войсками, это был последний опорный пункт шведов в Германии.

Петр стремился превратить Висмар в базу для русского флота и обеспечить себе господство также и над западной частью Балтийского моря. По нижнему течению реки Эльбы и системе озер могло быть создано удобное сообщение посредством канала между Балтийским и Немецким морями, и Россия получила бы выход в океан в обход Зундскому проливу, где господствовала Дания. В связи с этим Петра интересовала Голштиния, через которую проходил путь между двумя морями. Позднее он хотел устроить в Киле, Голштинии, базу для товаров, вывозимых из России [3].

---

[1] См. *Мартенс*, Собрание трактатов, т. IX (X), стр. 28 и сл.

[2] См. *Мартенс*, Собрание трактатов, т. V, СПБ. 1872, стр. 136—137.

[3] См. *М. Полиевктов*, Балтийский вопрос, стр. 26; *Я. Зутис*, Балтийский вопрос в политике великих держав, «Историк-марксист», 1941, № 2, стр. 70—74.

Петр стремился побудить также и Данию к более активным действиям на море. Намечалось совместное выступление соединенных флотов, русского и датского, а также английского для высадки войск в южной части Швеции. Петр во главе галерного флота появился в 1716 г. у датской столицы Копенгаген. Он сам на корабле обследовал шведский берег, несмотря на огонь шведских батарей. Однако согласовать действия союзников и заставить Данию выступить более активно не удавалось. Петр писал жене из Копенгагена о напрасной потере времени: «...болтаемся туне, ибо, что молодые лошади в карете, так наши соединенные» (т. е. союзники. — *Ред.)*. Десант в Швецию не состоялся.

В конце 1716 г. состоялось свидание Петра с прусским королем в Гавельсберге, где были подписаны две конвенции, по которым Пруссия соглашалась на передачу Висмара мекленбургскому герцогу и при заключении в будущем мирного договора со Швецией Россия и Пруссия обязывались действовать в полном согласии.

Таким образом, военные действия в Померании и дипломатические переговоры с германскими княжествами привели к занятию союзниками всех шведских владений на территории Германии. Возросшая мощь России проявилась в том, что она завоевала Финляндию и держала свои войска на южном берегу Балтийского моря.

Активная политика Петра в бассейне Балтийского моря возбуждала, однако, недовольство Англии, Голландии и Франции. Для того чтобы расстроить намечавшийся враждебный фронт и добиться, наконец, выгодного мира со Швецией при посредстве крупнейших держав, Петр выехал в 1716 г. в Голландию, а затем во Францию.

VIII. ОКОНЧАНИЕ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

Петр приехал в Париж весной 1717 г. Это путешествие происходило ровно через двадцать лет после участия его в «великом посольстве» (1697). Вместо юноши, делавшего первые шаги в дипломатии и ищущего в чужих краях знаний, он явился теперь в качестве крупнейшего политического деятеля, стоявшего во главе огромного государства, разгромившего могущественную до тех пор Швецию.

Таким его видел герцог Сен-Симон, которого Петр поразил своей исключительной личностью, резко выделявшейся среди веселившегося и блиставшего роскошью французского двора: «Он был очень высок ростом, заме-

чательно хорошо сложен, довольно худощав, с кругловатым лицом, высоким лбом... глаза черные, большие, живые, проницательные, красивой формы, взгляд величественный и приветливый, когда он сдерживал себя, иначе суровый и строгий с судорогами в лице, которые повторялись не часто, но искажали глаза и всю его физиономию, вселявшие в эти минуты невольный страх... Он носил круглый воротник из полотна, темный круглый парик (почти без пудры), который не доходил до плеч[1], простой, гладкий, коричневый кафтан, обтягивавший талию, с золотыми пуговицами, жилет, короткие штаны, чулки, никогда не надевал ни перчаток, ни манжет».

Во время пребывания в Париже Петр был занят дипломатическими переговорами, визитами к малолетнему французскому королю и к регенту Франции; наряду с этим в особенности он интересовался фабриками и заводами, осматривал стекольные заводы, фабрику гобеленов, посетил мастеров «математических инструментов», также побывал в обсерватории и в анатомическом театре, в картинных галлереях и т. п.

В переговорах с французским правительством Петр и его министры старались склонить Францию к союзу с Россией. Франция была давним союзником Турции и Швеции, а после войны за испанское наследство (законченной Утрехтским миром в 1713 г. и Раштадтским — в 1714 г.) Франция сблизилась со своими бывшими противниками и заключила в 1717 г., незадолго до приезда Петра, трактат с Англией и Голландией. Это отдаляло ее от России.

В первой же конференции в Париже русские министры дали понять, что Россия должна заменить Швецию в качестве союзницы Франции. Петр указывал на выгоды для Франции нового союза, так как Россия привлечет к союзу Пруссию и Польшу: «Я, царь, предлагаю Франции заменить для нее Швецию. Я предлагаю ей не только свой союз и свое могущество, но в то же время и содействие Пруссии, без которой я бы не мог действовать. Польша весьма охотно примет участие в этом союзе»[2]. Петр обещал свое содействие Франции, в особенности в случае столкновения ее с Австрией. Он хотел отделить Францию от Швеции и тем подготовить окончание Северной войны. Однако французское правительство затягивало переговоры и хотело ограничиться лишь торговым договором.

Переговоры, начатые в Париже, закончились в Амстер-

---

[1] Согласно моде того времени мужчины носили пышные парики.

[2] «Сборник русского исторического общества», т. 34, стр. 198.

даме, в Голландии, где русские представители канцлер Головкин, Шафиров и князь Куракин заключили в августе 1717 г. союзный договор с Францией и Пруссией. В договоре утверждалась дружба трех государств и соблюдение договоров как закончивших войну за испанское наследство, так и будущего мирного трактата союзников со Швецией. Речь шла также о подготовке торгового договора и о привлечении к настоящему трактату других стран «для содержания генеральной тишины в Европе». Важно отметить, что обе стороны сохраняли свои договоры с другими странами, если эти соглашения не противоречили настоящему союзу. Это значило, что Франция сохраняла союз с Англией и Голландией, враждебно относившимися в это время к России.

Но, как это было обычно в дипломатии того времени, наибольшее значение имели в договоре добавочные статьи, «артикулы сепаратные и секретные». В них содержалось обязательство взаимной гарантии договоров, как уже заключенных Францией по прошлой войне, так и будущего договора России и ее союзников со Швецией. Во исполнение этой гарантии державы обещали свою помощь против нападающей стороны тому из них, кто будет атакован. Особенно важным условием договора было согласие России и Пруссии на посредничество Франции для прекращения Северной войны и мирных переговоров со Швецией [1].

Однако время шло, а Франция не торопилась с посредничеством. Она была связана с Англией и Швецией и не желала действовать в интересах России. Между тем почти одновременно с этими переговорами русский посол в Голландии князь Б. Куракин через польского посредника генерала Понятовского сносился с представителем шведского короля. На трех конференциях было решено приступить к мирным переговорам и при этом без посредничества Франции. Русские и шведские уполномоченные должны были собраться на одном из островов Аланд.

Предварительно происходили совещания русских министров с прусским правительством об условиях мира и возможных уступках Швеции.

Вопреки уговорам прусских министров уступить шведам побольше, чтобы шведы легче и охотнее заключили мир, русское правительство твердо решило возвратить шведам только Финляндию, но сохранить за собой Эстляндию и Лифляндию. Петр еще в 1714 г. решил удержать за со-

[1] См. *Мартенс*, Собрание трактатов, т. V.

бой завоеванную русским оружием страну[1]. Она нужна была России по стратегическим соображениям, так как без нее граница проходила бы слишком близко к столице, Петербургу.

Аландский конгресс начался в мае 1718 г. Русскими уполномоченными были Я. Брюс и А. Остерман. Они защищали на конгрессе следующие требования: Россия должна получить Ингерманландию, Лифляндию, Эстляндию, Карелию и город Выборг. Финляндия возвращалась шведам, но финские воды у берегов должны быть свободны для плавания русских судов. Торговля между обоими государствами должна быть свободной. Швеция признает польским королем Августа II. В крайнем случае при упорном отказе шведских представителей Петр разрешал обещать шведскому правительству помощь России, чтобы «получить в другой стране такие выгоды, что им тот убыток вознаградится». Как увидим далее, этим русское правительство шло навстречу настойчивым требованиям шведского короля.

Переговоры длились долго. Русские требования встречали упорное сопротивление со стороны шведов, не соглашавшихся на оставление русским Лифляндии и Эстляндии. Шведский министр Герц четыре раза покидал конгресс и отправлялся в шведскую столицу Стокгольм за новыми инструкциями. Остерман также возвращался в Петербург для обсуждения возникавших затруднений.

Шведы любили повторять о необходимости получить «эквивалент», т. е. равноценное вознаграждение за уступку русским завоеванных ими земель. Вернувшись из первой поездки в Швецию, Герц заявил, что Карл XII соглашается на уступку Лифляндии и Эстляндии, но Выборга отдать не может. Зато король хотел бы получить вознаграждение из датских земель. Швеция и Россия должны заключить союз и действовать сообща, русская армия соединяется со шведской для войны против Дании в целях доставления шведам «эквивалента». Кроме того, шведы настаивали, чтобы польским королем был не Август II, а ставленник Карла XII — Станислав Лещинский. Швеция желала сохранить за собой Померанию со Штеттином, а также присоединить Мекленбургское герцогство. Пруссия должна удовольствоваться Эльбингом, отнятым у Польши.

Однако эти требования встретили возражения Пруссии,

---

[1] См. *М. Полиевктов*, Балтийский вопрос после Ништадтского мира, стр. 48.

которая не соглашалась вернуть шведам Штеттин хотя бы и за «эквивалент». Опасаясь, что мир будет заключен без учета интересов Пруссии, прусский король согласился подписать новую конвенцию об оборонительном союзе с Россией (18 августа 1718 г.), где говорилось вновь о передаче Пруссии Штеттина и т. п.

После второй поездки в Швецию Герц привез новое требование Карла XII — возвратить шведам Кексгольм в восточной Финляндии; шведы снова требовали военной помощи со стороны России против Дании. Но русские уполномоченные ответили на это решительным отказом.

В переговорах прошло более полугода. Вдруг пришло неожиданное известие, что Карл XII убит при осаде датской крепости в Норвегии. После этого Герц в Швеции и другие шведские министры, сторонники мира с Россией, были арестованы. Лишь в феврале следующего, 1719 года новое шведское правительство королевы Ульрики-Элеоноры, сестры Карла XII, предложило возобновить прерванные переговоры о мире.

Остерман снова предъявил те же требования об уступке русским всех завоеванных ими земель, кроме Финляндии; русские уполномоченные настаивали, согласно договору с Пруссией, чтобы представитель последней также участвовал в переговорах. Русское правительство сделало лишь одну уступку: соглашалось за передачу Лифляндии уплатить шведам 1 млн. рублей.

Но шведы тянули дело, вновь настаивали на возвращении Лифляндии и Эстляндии и отказывались допустить к переговорам прусского уполномоченного.

Тогда Петр отправил на Аландский конгресс генерал-майора Ягужинского с новой уступкой, заключавшейся в том, что Лифляндия остается за Россией временно, на 20—30 лет, после чего будет возвращена Швеции.

Остерман не раз писал Петру, что упорство шведов можно преодолеть лучше всего энергичными военными действиями на территории Швеции, уже разоренной долголетней войной: «Ничто так Швецию к заключению мира не может принудить, как впадение в нее русских войск и разорение всех мест до Стокгольма». Петр решил применить это «сильное средство». В июле 1719 г. к берегам Швеции направился русский флот из 30 военных кораблей, 130 галер и 100 мелких судов. Высадка была произведена близ Стокгольма, шведской столицы. Русские войска захватили два города, 135 деревень, 9 железоделательных заводов, 40 мельниц и другие.

Тогда шведы стали немного уступчивее. Они уже согла-

шались на оставление за Россией Нарвы, Ревеля и Эстляндии, однако попрежнему требовали возвращения не только Финляндии, но и Лифляндии. Но русские не шли на эти условия.

Переговоры были прерваны, и Аландский конгресс окончился безрезультатно. Англия стремилась изолировать Россию и добивалась сепаратного соглашения Пруссии, Польши и Дании с Швецией, обещая им удовлетворение их притязаний помимо России.

В 1719 г. английский король, одновременно бывший и ганноверским курфюрстом, заключил мирный договор со Швецией, по которому герцогства Бремен и Верден присоединялись к Ганноверу.

Пруссия, «эта хищная и робкая держава», по словам историка С. Соловьева, также сблизилась с Англией и заключила сепаратный мир с Швецией, по которому получила, наконец, Штеттин. Однако прусский король старался не разрывать и с могущественной Россией. В 1720 г. он заключил с русским правительством договор, где утверждал, что, несмотря на мир со Швецией, он не вступил ни в какое «противное обязательство», направленное против Петра и его союзников. В том же году была подписана секретная декларация Пруссии и России, где говорилось о нейтралитете Пруссии.

Другой русский союзник, Дания, шла тем же путем. Она заключила сперва перемирие с Швецией, а в 1720 г. подписала с ней мирный договор. Датское правительство возвращало шведам все свои завоевания в Померании и Норвегии и получало у Англии и Франции гарантию в обладании Шлезвигом. Швеция уплачивала датскому королю 600 тыс. талеров за отказ от завоеваний. Польский король Август II также заключил мир со Швецией, причем соглашался на будущее возвращение шведам Лифляндии, завоеванной русскими. Это не мешало ему обращаться также в Петербург с требованием субсидий и передачи ему Риги.

Союз распался, Россия осталась в одиночестве. Но несмотря на это, Петр продолжал проявлять упорство и настойчивость в отстаивании прав России на свои завоевания.

Франция также хотела выступить в качестве посредника, имея в виду защиту интересов Швеции, а не России. Но Петр соглашался на посредничество Франции лишь при условии, что французское правительство даст письменную декларацию в том, что оно не связано никаким, ни прямым, ни косвенным, обязательством с врагами России.

Русское правительство объясняло это требование тем,

что французские послы при других европейских дворах действуют в пользу Швеции. Французское правительство в лице регента сделало вид, что оно оскорблено недоверием к нему Петра, и отказалось дать письменную декларацию. Французское правительство, однако, направило в Россию своего посланника в Швеции Кампредона; ему поручалось выступить посредником в переговорах между шведами и русскими. При этом он должен был «льстить царю», чтобы облегчить условия мира для Швеции.

Кампредон упрекал русских министров в чрезмерной надменности. В беседе с ними Кампредон заявил, что Франция может добиться от Швеции уступки Петербурга, Ингрии до реки Наровы и части Карелии до Кексгольма. Но русские дипломаты Головкин, Толстой, Шафиров и Остерман ответили на это лишь презрительным смехом. «Эти господа, — писал Кампредон, — принялись хохотать во все горло, спрашивая меня, серьезно ли я говорю и не от имени ли шведов делаю такое предложение». Меншиков в ответ на уговоры Кампредона быть уступчивее заявил, что «царь не уступит ни Ливонию, ни Эстонию, а с другой стороны, он не желает из собственного окна видеть земли соседа». Остерман также сказал ему: «Между нами и Швецией не может быть мира иначе, как поставив море границей между обоими»[1]. Кампредон должен был уехать из Петербурга и объяснить шведскому правительству безнадежность ожидания каких-либо уступок со стороны России. Непреклонность и твердость русского правительства была впоследствии полностью вознаграждена. Пока шли бесплодные переговоры через французского посла, Россия и Швеция уже договорились о возобновлении мирных переговоров. Уполномоченные обеих сторон съехались в апреле 1721 г. на конгресс в финляндском городе Ништадте.

На Ништадтском конгрессе русские дипломаты, те же Брюс и Остерман, проявили твердость и настойчивость, о которые разбились все притязания шведов. Шведские уполномоченные пытались настаивать на смягчении прежних русских условий. Но русские представители не шли ни на какие уступки, кроме возвращения Финляндии.

Шведы указывали, что прежде они имели четырех неприятелей (Россию, Польшу, Данию и Пруссию), а теперь Россия остается без союзников[2], Швеция же имеет на своей стороне Англию.

---

[1] *Мартенс,* Собрание трактатов, т. XIII, стр. 21—22.

[2] Только с Польшей шведы еще не заключили к этому моменту мира.

Но русские отвечали, что союзники до сих пор не слишком много помогали России, и впредь она готова воевать одна.

Пока шли эти споры, русские войска снова высадились в Швеции и сожгли 3 города, 19 приходов, 506 деревень и 79 мыз. Это «сильное средство» привело к тому, что на Ништадтском конгрессе шведы становились все уступчивее. Они отказывались от Лифляндии, но еще требовали возвращения им города Пернау, острова Эзеля и города Выборга, но потом согласились на оставление всего завоеванного русскими, кроме Выборга и Финляндии, при условии, однако, денежной компенсации и отказа России от вмешательства в голштинские дела (голштинский герцог претендовал по близкому родству на шведский престол). Наконец, шведы отказались и от Выборга. Но они настаивали теперь на заключении предварительного, прелиминарного трактата, содержащего основные условия мира. Петр увидел в этом стремление затянуть переговоры в ожидании изменения международной обстановки и решительно отказался от прелиминарного договора. Шведы и здесь уступили.

30 августа 1721 г. в Ништадте был подписан мирный договор между Россией и Швецией. Основными условиями мира были следующие:

«Долгобывшая и вредительная» война признавалась законченной и устанавливался между обеими странами «вечный истинный и ненарушимый мир на земле и на воде»; объявлялась общая амнистия с исключением из нее лишь русских казаков, т. е. украинских сторонников Мазепы.

Швеция уступала России завоеванные русскими Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии с Выборгским округом, с городами Ригой, Дюнамюндом, Пернау, Ревелем, Дерптом, Нарвой, Выборгом, Кексгольмом и с островами Эзелем, Даго и Мооном. Эти земли «имеют вечно российскому государству присоединены быть и пребывать».

Россия обязалась возвратить шведам Финляндию; сверх того русское правительство должно было уплатить Швеции 2 млн. «ефимков» (иностранной монетой). Петр отказывался от вмешательства в «домашние дела» Швеции, включая и вопрос о наследовании шведского престола. Швеция получала право свободно закупать в Лифляндии хлеб на 50 тыс. рублей ежегодно без уплаты пошлин.

В договоре была сделана оговорка о защите интересов прибалтийских помещиков. Они должны были под русской властью сохранить свои земельные владения. Им возвра-

шались и те земли, которые отняло у них шведское правительство в силу «редукции», против которой боролся накануне Северной войны лифляндский дворянин Паткуль. Этим было заложено основание союзу царизма с прибалтийским дворянством, что приводило к усилению помещичьего гнета над крепостным крестьянством Прибалтики.

В договор включалась Польша как союзник России, предусматривалось прекращение военных действий между Швецией и Польшей и заключение между ними мира при посредничестве России. С другой стороны, британское правительство также «в сей мирный трактат включается» с тем, чтобы оно потом вело с Россией соответствующие переговоры. Кроме того, в договоре шла речь о размене военнопленными и о беспрепятственной торговле между русскими и шведскими купцами и в особом «артикуле сепаратном» определялись сроки и порядок уплаты русским правительством шведам 2 млн. ефимков.

Мир праздновали весьма торжественно. Когда пришло в Петербург известие о подписании договора, Петр объявил об этом на площади с возвышенного места народу и войскам. По городу разъезжали двенадцать драгун с двумя трубачами впереди с извещением о мире. С Петропавловской крепости палили из пушек, войска стреляли из ружей; народ угощали вином и пивом.

Празднование мира наряду с торжественной церковной службой сопровождалось грандиозным маскарадом, продолжавшимся восемь дней. Он начался 10 сентября, по выстрелу из пушки в 8 часов утра. Петр и придворное общество переправились на лодках через Неву и собрались перед зданием сената. Петр был в наряде корабельного барабанщика, перед ним шли три трубача, одетых арапами. Он отбивал барабанную дробь, что было сигналом к началу празднества. Все сбросили плащи, скрывавшие их костюмы. В гулянье участвовала тысяча костюмированных, и толпы народа смотрели на маскарад. Среди масок мелькали наряды турок, индейцев, персов, китайцев, также виднелись старинные боярские наряды, был представлен Бахус в тигровой шкуре, Нептун и другие языческие боги. Много масок бегало с бичами и пузырями, наполненными горохом, с погремушками и свистками. Шутовской князь-кесарь (князь Ромодановский) представлял древнего царя в короне и мантии со скипетром в руках. Первый день празднества завершился шутовской свадьбой и грандиозным пиром. Все дома в Петербурге были иллюминованы. В январе празднества

были перенесены в Москву, где также было устроено маскарадное шествие по улицам [1].

Во время празднеств, 22 октября, сенат просил Петра принять титул императора, Петра Великого и отца отечества. Канцлер граф Головкин обратился к Петру с приветственной речью. Он говорил, что трудами Петра мы «из тьмы неведения на театр славы всего света и... из небытия в бытие произведены и в общество политичных народов присовокуплены».

Новым титулом (император и империя) подчеркивалось изменение в международном положении государства. Великая Северная война имела огромное положительное значение в истории нашей родины.

Петр называл Северную войну «трехвременной жестокой школой», так как она продолжалась 21 год. «Все ученики науки в семь лет оканчивают обыкновенно, — говорил он, — но наша школа трехкратное время была, однакож, слава богу, так хорошо окончилась, как лучше быть невозможно».

Россия получила в результате войны морское побережье от Выборга и Петербурга до Риги и превратилась в могущественное европейское государство с мощной армией и флотом, «из полуазиатской континентальной страны в главенствующую морскую державу на Балтийском море» *(Маркс)*.

Это явилось вместе с тем крупнейшей победой славянства. «Петр Великий с самого начала разбил все традиции славянского племени. «России нужна вода». Эти слова явились девизом всей его жизни» [2].

«Войну шведскую, — продолжает Маркс, — с точки зрения как ее целей, так и результатов и продолжительности, мы можем справедливо назвать основной войной Петра Великого». «Ни Азовское, ни Черное, ни Каспийское море не могло открыть Петру прямой выход в Европу».

Завоеванием Прибалтики «России было обеспечено превосходство над соседними северными государствами; благодаря ему же Россия была втянута в непосредственный и постоянный контакт с любым государством Европы. Наконец, им были заложены основы для установления материальных связей с морскими державами» *(Маркс)*.

Это послужило основой для экономического развития

---

[1] «Дневник камер-юнкера Берхгольца», ч. I, М. 1902, стр. 117—119.
[2] *Маркс*, Секретная дипломатия XVIII века, гл. VI.

страны. С эпохи Петра I началось лихорадочное строительство фабрик и заводов и расширение торговли. Европеизация страны означала вместе с тем ее культурный рост, появились школы, была основана Академия наук, выходили книги, стала издаваться газета.

IX. ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА

Ништадтским миром не кончились войны петровской эпохи. В следующем, 1722 г. началась война с Персией.

Войны того времени на востоке часто носили характер типичных колониальных предприятий, целью которых был захват земель, богатых золотом, пушниной или пригодных для разведения сахарного тростника, хлопка и т. п.

Наиболее крупное общегосударственное значение имела война с Персией. Завоевание берегов Балтийского моря ставило на очередь соединение единым водным путем Балтийского и Каспийского морей и обеспечение интересов России на берегах Каспия. При Петре I в 1708 г. был прорыт Вышневолоцкий канал (у города Вышнего Волочка), соединивший приток Волги, реку Тверцу, с рекой Цной, впадающей в озеро Ильмень. Этот канал создавал сплошной водный путь от Астрахани до Петербурга.

Торговые связи с Персией определялись в то время преимущественно торговлей шелком. Писатель конца XVIII века Иван Голиков говорит, что из Персии вывозили 70 тыс. пудов шелка по цене 80 рублей за пуд, что составляло в итоге, по его словам, «сумму страшную». Русское правительство стремилось к тому, чтобы весь шелк из Персии шел в Европу через Россию водным путем до самого Петербурга. Кроме того, Петр имел сведения о бакинской нефти и впоследствии поручал разведать возможность разведения на каспийских берегах хлопка, сахарного тростника, лимонов и т. п.

Русский посол в Персии Артемий Волынский неоднократно доносил о слабости Персии и утверждал, что даже небольшими силами можно легко завоевать ханства восточного Закавказья, подчиненные Персии; он в особенности подчеркивал частые восстания в стране, ее разорение и слабость и личные недостатки персидского шаха. «Бог ведет к падению сию корону, на что своим безумством они нас влекут сами, — писал Волынский.— Хотя настоящая война наша (со Швецией. — *Ред.)* нам и возбраняла б, однако, как я здешнюю слабость вижу,

нам безо всякого опасения начать можно, ибо не только целою армиею, но и малым корпусом великую часть к России присовокупить без труда можно, к чему удобнее нынешнего времени не будет»[1].

С этими замыслами тесно была связана поддержка Россией христианских народов Закавказья, армян и грузин, жестоко угнетавшихся персами и турками.

Еще задолго до того, в 1678 г., армянский (эчмиадзинский) патриарх отправил в Европу посольство к папе и к европейским государям с просьбой о помощи в борьбе армян за свое освобождение. Местные феодалы — мелики — снабдили членов посольства обращением к папе, баварскому курфюрсту и русскому царю о помощи армянам. Они просили Петра I о принятии их в подданство: «Умилосердися на наш убогий народ, дабы возмогли избавиться от порабощения через ваше величество.... Наше намерение есть дабы мы и все народы наши, великие и малые, поддалися бы власти и государствованию вашему»[2].

В 1701 г. один из членов армянского посольства, Израиль Орий, приехал в Москву просить, чтобы Петр стал «владыкою нашей земли» и дал бы в помощь армянам 10—20 тыс. войска. Орий указывал, что город Шемаха в Азербайджане совсем не укреплен, тогда как это «первый ключ и вход в Армянскую землю». Он обещал, что при выступлении России будет собрано 116 тыс. армянского войска и 30 тыс. грузин (что, конечно, было огромным преувеличением), тогда как персидский шах сможет выставить против них не более 38 тыс.

В Москве Орию объявили, что царь «к тому зело склонен», но войну с Персией следует отложить до окончания войны со шведами. В 1707 г. было снаряжено русское посольство в Персию во главе с тем же Орием, который повез к шаху письмо от царя и от папы. На обратном пути Орий умер в Астрахани, но его дело и сношения как с армянами, так и с русским правительством продолжал Минас. В 1719 г. он сообщал Петру, что «оное секретное дело уже ныне есть время в действо производить, ибо варвары от всех стран и внутренне бедствуют»[3].

---

[1] *С. Соловьев,* История России с древнейших времен, кн. IV, стр. 666.

[2] *Г. Эзов,* Сношения Петра Великого с армянским народом, СПБ. 1898, стр. XXIV.

[3] *Г. Эзов,* Сношения Петра Великого с армянским народом, СПБ. 1898, стр. 21.

Русское правительство поддерживало также связи с Грузией, подвластной частью Персии, частью Турции. Грузинский царь Вахтанг обещал в случае войны России с Персией выставить в помощь русским грузинское войско от 30 тыс. до 40 тыс. Вахтанг просил ввести в Грузию русские войска и советовал высадить десант на персидском берегу Каспия для захвата Дербента и Шемахи.

В августе 1721 г. лезгинский феодал Даудбек вместе с казыкумыками восстал против персидского шаха, захватил город Шемаху (в Азербайджане), сжег и разграбил дома знати и при этом напал на русских купцов и разграбил их лавки, причинив убыток на полмиллиона рублей. Волынский тотчас же сообщил об этом Петру, советуя начать войну следующим летом: «К начинанию (войны) законнее сего уже нельзя и быть причины», — писал он. Тогда Петр распорядился начать отправку войск по Волге к Астрахани и поручил Волынскому обнадеживать грузинского царя.

Между тем в Персии против шаха Гуссейна поднялись афганцы, разбили его войска и овладели Исфаганью.

В мае 1722 г. русская гвардия вместе с Петром уже плыла на судах в Нижний и оттуда в Астрахань, а в июле Петр с пехотными полками отплыл из Астрахани в Каспийское море, конница шла сушей. Всего была двинута армия в 106 тыс. в составе пехоты и конницы, казаков, калмыков, татар, а также матросов.

Высадка русских войск была произведена под Астраханью, конница подходила сюда же с суши. Были разосланы манифесты от имени Петра к окрестным народам с требованием подчинения. После боя с одним из местных султанов (Махмуд Утемишский) русские войска подошли к Дербенту. Наиб дербентский с полной покорностью вышел навстречу Петру и, стоя на коленях, преподнес ему серебряные ключи от городских ворот. Отсюда предполагалось итти к Шемахе и затем соединиться с армянскими и грузинскими войсками. Но нехватало продовольствия и фуража. По словам Петра, этот поход «зело труден от бескормицы лошадям и великих жаров». Вследствие этих трудностей, оставив гарнизон в Дербенте, Петр возвратился в Астрахань.

Тем временем грузинские и армянские войска уже стояли под Ганжею, ожидая известий о приближении русских войск. Однако после 25-дневного ожидания сюда пришло известие о возвращении Петра в Астрахань и о том, что он обещал возобновить поход в следующем году. Вахтанг с грузинским войском ушел в Тифлис, а армяне укрепи-

лись в горах, ведя партизанскую войну против персов и турок.

Из Астрахани тогда же был отправлен отряд под начальством полковника Шипова к южному берегу Каспийского моря, в Гилян. Шипов достиг Решта, занял его и дал удачное сражение персидским войскам. Ему было поручено Петром также разведать, «где родится сахар», сколько вывозится отсюда шелку и т. п.

Отряд генерала Матюшкина был послан для занятия Баку, чему Петр придавал весьма важное значение. Он называл Баку «ключом всему нашему делу». В июле 1723 г. Баку был взят к великой радости Петра. Было приказано укреплять Баку, а также другие завоеванные места. При этом Петр распорядился «белой нефти выслать тысячу пуд», разведать месторождение меди и т. п.

12 сентября 1723 г. в Петербурге был подписан договор с персидским послом Измаил-беком. Договор начинался с указания, что «в Персидском государстве учинились великие замешания, и некоторые того государства подданные, восстав против его шахова величества, яко своего законного государя», также «дерзнули» русским купцам «учинить убивство и разграбить на великое число цены их имение», поэтому русские войска заняли некоторые города на берегах Каспийского моря «для обороны верных его шахова величества подданных». В первой статье договора устанавливалась дружба между шахом и русским правительством и обещалось «сильное вспоможение» против всех его бунтовщиков путем ввода в Персию русских войск, конницы и пехоты.

Второй статьей договора Персия уступала России «в вечное владение города Дербент, Баку со всеми к ним принадлежащими и по Каспийскому морю лежащими землями и местами, такожде и провинции Гилян, Мазондран и Астрабат».

Далее в договоре определялись условия содержания вспомогательного русского войска, которое будет послано в помощь шаху, затем устанавливалась свобода торговли для купцов обеих стран, и, наконец, русское и персидское правительства обещали взаимную помощь против общих врагов.

Русско-персидская война осложняла отношения с Турцией, также желавшей воспользоваться ослаблением Персии. Турки двинулись в Грузию и Армению и завладели Тифлисом. Петр стал готовиться к войне с Турцией и писал русскому послу в Константинополе Неплюеву, что «наши интересы отнюдь не допускают, чтоб какая другая

держава, чья б ни была, на Каспийском море утвердилась»[1].

Переговоры русского посла с турецким правительством едва не были прерваны переходом к военным действиям. Наконец, после долгих споров и исправлений был составлен и подписан договор между Россией и Турцией 12 июня 1724 г. о разграничении территории на Кавказе.

Русско-персидская война принесла России весьма важные приобретения — Дербент, Баку, Гилян, т. е. западные и южные берега Каспийского моря. Но эти завоевания оказались непрочными, и менее чем через десять лет, в 1732 г., с усилением Персии эти земли были возвращены ей правительством Анны Ивановны. Лишь в начале XIX века они были вновь завоеваны Россией.

При Петре I продолжалось дальнейшее завоевательное продвижение русских на Дальнем Востоке. К концу XVII века, когда обнаружилось начавшееся истощение Сибири наиболее ценной пушниной вследствие массового и хищнического истребления зверя, правительство попыталось повысить свои сибирские доходы. При отправлении в Тобольск боярина Черкасского в 1697 г. ему было дано в наказе поручение содействовать открытию и захвату «новых землиц». Правительством снаряжались казачьи отряды для покорения и эксплоатации народов Сибири и Дальнего Востока.

В 1695 г. из Якутска в Анадырь прибыл приказчик Владимир Атласов, с именем которого связано завоевание Камчатки; он два года производил предварительные разведки. А в 1697 г. Атласов с отрядом в 120 человек вышел из Якутска и направился сушей по западному берегу Камчатки. На это путешествие он затратил около года. Камчадалам не было известно огнестрельное оружие, и они были бессильны против маленькой горсточки вооруженных русских.

Казаки брали с туземцев ясак, т. е. подать, мехами — соболями, лисицами и другими. Бо́льшую часть ясака казаки брали в свою пользу и создавали таким путем крупные богатства, например, один из них за год раздобыл 6 тыс. соболей, 200 бобров, 1 070 лисиц и т. п.

Атласов вскоре вернулся обратно и отправился в Москву с камчатским ясаком. Затем он вновь поехал на Камчатку; по пути на реке Тунгуске Атласов со своим отрядом ограбил суда купца Добрынина. Дело это дошло до Москвы, и Атласов был посажен в тюрьму. В 1707 г. он был

[1] *С. Соловьев*, История России с древнейших времен, кн. IV, стр. 696.

выпущен из заключения и вновь послан на Камчатку. К этому времени здесь уже было два укрепления. Отсюда казаки нападали на камчадалов. В 1711 г. казаки в спорах из-за добычи убили Атласова. Камчадалы, обираемые казаками, которые принуждали их к охоте вместо рыбной ловли и внесению тяжелого ясака, не раз восставали против русских[1].

Если к завоеванию Камчатки влекли пушные богатства этого края, то в Среднюю Азию привлекали слухи о золоте. Сибирский губернатор Гагарин сообщил правительству, что на реке Сыр-Дарье, близ калмыцкого города Эркета добывают «песошное золото». Золото привозили на продажу в Тобольск бухарцы.

В 1714—1716 гг. был отправлен в Казахстан отряд под начальством Бухгольца, который, однако, встретил отпор со стороны сильного калмыцкого войска, не позволившего ему строить крепость. Калмыки заставили Бухгольца отступить и уйти вниз по Иртышу.

Еще более смелым предприятием явилась экспедиция в Среднюю Азию, предпринятая с берегов Каспийского моря. Петр распорядился послать отряд в Хиву и Бухару для разведывания о том же городе Эркете. В 1716 г. в Хиву был отправлен послом князь Александр Бекович-Черкасский. Он должен был построить крепости на восточном берегу Каспийского моря, осмотреть старое высохшее русло реки Аму-Дарьи, исследовать ее течение и также построить на ней крепость. Ему было поручено склонить хивинского хана к верности и к подданству России и предложить ему русский отряд на службу в качестве ханской гвардии. После установления тесных отношений посол должен был просить хана содействовать русским в их поисках золота близ Эркета. Кроме того, предполагалось получить у хана средства для путешествия в Индию и тщательно изучить и описать этот путь. Также следовало собрать сведения о Бухаре и войти в дружбу с бухарским эмиром.

С отрядом солдат и казаков Черкасский отплыл из устья Волги и на восточном берегу Каспийского моря построил две крепости (у Красных вод и Тюк-Карагана) и затем возвратился в Астрахань.

Здесь он узнал о приготовлениях хивинцев, бухарцев и казахов к отпору против русского отряда. В 1717 г. Черкасский с трехтысячным отрядом двинулся сушей в Хиву.

---

[1] *С. Окунь*, Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае, 1935.

Встреча Черкасского с хивинским войском привела к бою, после которого был заключен мир и хивинская знать целовала коран, обещая соблюдать условия мира.

Но хивинцы перехитрили русских. Хан уговорил Черкасского для лучшего прокормления развести русских по нескольким городам. Черкасский согласился и тем позволил раздробить свои силы. За русскими небольшими отрядами последовали хивинцы и взяли их в плен. Хан шел вместе с Черкасским, но затем в пути Черкасский был вместе со своим отрядом схвачен и связан. Черкасский и сопровождавший его князь Михаил Заманов были казнены. Почти весь отряд погиб.

X. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После первого неудачного Азовского похода Петр не выпускает больше из своих рук руководства военными действиями, выступая в качестве организатора армии и непосредственно руководя ходом боевых действий, за исключением неудачной битвы под Нарвой, происходившей в его отсутствие. После Нарвы с исключительной энергией он восстанавливает армию, заботится об отливке новых пушек и, наконец, блестяще осуществляет поворот в направлении военного удара. При его непосредственном участии происходит кампания 1702—1703 гг., завоевание Нотебурга и Ниеншанца и основание Петербурга. Так же ярко проявляются военные дарования Петра в выводе русской армии из окружения в гродненском лагере. Отступление от Гродно было проведено вопреки мнению главнокомандующего Огильви, но по прямому приказу Петра. В битве под Лесной Петр во главе двенадцатитысячного отряда разгромил шведского генерала Левенгаупта, не дав ему соединиться с основными силами Карла.

В особенности блестяще проведена была Петром подготовка Полтавской победы. Он распоряжался на всех основных этапах сражения, и в самый опасный момент боя бросился вперед во главе новгородцев. Морские победы, как Гангутская битва, также происходили под его руководством.

Военные историки отмечают в стратегии Петра сочетание двух противоположных и одинаково необходимых для полководца качеств; осторожности и решительности. В Полтавской битве он разрабатывает план «активной обороны», которая в соответствующий момент должна перейти в наступление. Имея дело с грозным, привыкшим к победам

врагом, Петр действует осторожно, сосредоточивает численно превосходящие силы. Подготовив поле битвы, обеспечив резервы, достигнув превосходства также в артиллерии, Петр уже не уклоняется от решительной битвы, он сам намечает время и место будущего генерального сражения, берет инициативу в свои руки. Так же блестяще проводил он моральную подготовку армии.

Петр проявил и выдающиеся дарования дипломата. Уже в первом заграничном путешествии в составе «великого посольства» он держит в своих руках все нити дипломатических переговоров как с прусским королем, так и в Голландии, Вене и Польше. Накануне Полтавской битвы путем военной демонстрации в Азове Петр достигает подтверждения нейтралитета Турции и Крыма и поддерживает своих польских сторонников, чем достигает изоляции шведов. Позднее Петр ведет переговоры в Париже в 1717 г. Он сам выполнял «функции и посла и министра иностранных дел» [1]. Во время переговоров на Аландском конгрессе и в Ништадте он проявил в своих инструкциях русским уполномоченным исключительную настойчивость и целеустремленность, однако без излишней прямолинейности. Он обладал необходимой гибкостью, умел сообразоваться с обстоятельствами, никогда не разбрасывался, а сосредотачивался на одной центральной проблеме, все подчиняя основной задаче своей внешней политики.

Отличительной чертой Петра как дипломата являлась политическая добросовестность и верность принятым на себя обязательствам. «Лучше можно видеть, — писал он, — что мы от союзников оставлены будем, нежели их оставим, ибо гонфпароля [честь данного слова] дражее всего есть».

Остановимся кратко на выдающихся деятелях, с которыми связана военная и дипломатическая история этой эпохи.

Наиболее знаменитым из сотрудников Петра был А. Д. Меншиков; сын придворного конюха, он был зачислен в потешный полк и стал постепенно самым близким лицом к Петру I. Его военные дарования и исключительная личная храбрость ярко проявились в крупнейших сражениях Северной войны. В битве под Калишем в 1706 г. он разбил шведское войско, под Гродно успешно выполнил предписания Петра относительно вывода войск из расставленной

---

[1] История дипломатии, под. ред. В. Потемкина, т. I, М. 1941, стр 276.

шведами ловушки. Важнейшие моменты Полтавского боя также связаны с Меншиковым. Во главе конницы он защищал редуты в начале боя, а в самый решительный момент заставил отступить правое крыло шведов, что привело к общему их бегству; наконец, на берегу Днепра у Переволочны Меншиков во главе 9-тысячного отряда, не дав опомниться, заставил положить оружие и сдаться 16-тысячное войско шведов.

Петр щедро награждал своего друга, подарив ему обширные имения на Украине, дворцы в Москве и Петербурге. Меншиков владел несколькими городами, имел до 100 тыс. крепостных крестьян. Меншиков был назначен первым президентом Военной коллегии, высшего военного учреждения, и получил звание фельдмаршала и светлейшего князя.

История Северной войны тесно связана с деятельностью фельдмаршала Б. П. Шереметева, осуществлявшего военные действия в Лифляндии, главнокомандующего в Полтавском сражении. В Финляндском походе особенно блестящи были военные действия М. Голицына. Среди командного состава при Петре было немало иностранцев, в особенности следует отметить шотландца П. Гордона, женевца Ф. Лефорта, А. Вейде, составителя первого русского воинского устава адмирала Крюйса и других.

Среди дипломатов петровской эпохи надо отметить Б. Куракина, П. Толстого, П. Шафирова, А. Матвеева, А. Остермана. При Петре впервые были организованы постоянные посольства при иностранных дворах и создана в Петербурге коллегия иностранных дел.

Князь Куракин, член знатной боярской семьи, женатый на сестре первой жены Петра (Лопухиной), легко освоился с новыми задачами. Он был послан в Италию учиться математике, морскому делу и языкам и наряду с этим впитал в себя типичные черты западноевропейского дворянского быта, познакомился с «великою роскошью и веселье́м», заводил любовниц и т. п. Куракин занимал пост русского посла в Голландии, в Гааге, центре дипломатических интриг того времени. Он ближайшим образом участвовал в выработке Амстердамского договора 1717 г., им же был подготовлен созыв Аландского конгресса.

Выдающимися дипломатами при Петре были также некоторые иностранцы. А. И. Остерман — сын лютеранского пастора, бежавший из Вестфалии, начал службу переводчиком в Посольском приказе, позднее состоял русским уполномоченным на Аландском и Ништадтском конгрессах.

Наиболее видным дипломатом, участвовавшим почти во

всех договорах того времени, является Шафиров. Он был сыном еврея, принявшего в Москве христианство, начал службу в качестве переводчика; его способности скоро оценил старый дипломат Е. Украинцев. Шафиров был отправлен за границу вместе с «великим посольством» и здесь привлек к себе внимание Петра. Особенно удачно Шафиров заключил мир с Турцией после несчастливого для русских Прутского похода. Он был назначен вице-канцлером и сенатором и получил титул барона. Умный и ловкий политик, он, подобно ряду других деятелей той эпохи, был нечист наруку. Обнаружившиеся крупные злоупотребления и участие его в борьбе придворных группировок привели к тому, что он был осужден к смертной казни, но снят с плахи и прощен Петром.

Чрезвычайно активная и умная внешняя политика Петра I, завоевание Прибалтики способствовали борьбе с вековой отсталостью страны. Начиная с середины XVI века, со времени Ивана Грозного, русское государство вело войны за приобретение берегов Балтийского моря, но только при Петре I удалось пробиться к морю, возвратить земли, отнятые у нас шведами. Это было необходимо для экономического и культурного развития страны.

Московская Русь превратилась в первой четверти XVIII века в Российскую империю с новыми границами, с новыми государственными учреждениями: сенатом, коллегиями, прокуратурой, делением на губернии и т. п., более правильно устроенными, чем прежние. Культурные реформы также имели крупное значение: были учреждены школы, общеобразовательные и специальные (морские и военные), положено основание Академий наук и т. п.

Реформы управления послужили усилению самодержавной власти, страной управляли дворяне и богатейшее купечество. Образование и культурные мероприятия также распространялись преимущественно среди высших классов. Войны и реформы тяжело ложились на плечи трудового народа. Происходило усиление крепостной зависимости; частые рекрутские наборы и налоги разоряли крестьянство.

«...Петр Великий сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса, — говорит товарищ Сталин. — Петр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев. Надо сказать также, что возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся

классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры»[1].

Товарищ Сталин, упоминая о промышленной политике Петра, говорит: «Когда Петр Великий, имея дело с более развитыми странами на Западе, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны, то это была своеобразная попытка выскочить из рамок отсталости»[2].

От успехов внешней политики выиграли прежде всего высшие классы. Купечество получило возможность расширить торговлю через вновь приобретенные порты. На строительстве фабрик и заводов богатели купцы и фабриканты. От развития торговли и народного хозяйства выигрывало и дворянство; усиление военного могущества страны и безопасности государства позволило помещикам в течение последующих десятилетий облегчить свою службу, а затем и вовсе отказаться от обязанности государственной службы как военной, так и гражданской, которая стала добровольной, не обязательной для дворянства (с 1762 г.).

Вместе с теми широкие трудовые массы, закрепощенные помещиками и обязанные государственными повинностями, налогами и рекрутчиной, все же почувствовали положительные результаты петровской внешней политики. Огромная страна, в течение всего XVIII и начала XIX века была освобождена от опасности иноземного нашествия и связанного с ним разорения; последующие войны XVIII века велись за пределами нашего государства.

Внешняя политика Петра I имела прогрессивное, национальное значение.

---

[1] *Сталин*, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, 1938, стр. 3.

[2] *Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, стр. 359.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

I. Международное положение русского государства в конце XVII века 3
II. Азовские походы 7
III. «Великое посольство» 12
IV. Дипломатическая подготовка Северной войны 21
V. Великая Северная война (первый период) 28
VI. Полтавская битва и ее значение 39
VII. Прутский поход. Русские победы в Померании. Завоевание Финляндии 53
VIII. Окончание Северной войны 67
IX. Восточная политика 77
X. Заключение 83

Редактор *П. Кушнер*

Подписано в печать 21 августа 1942 г. Печ. л. 5½ 40 000 зн. в 1 печ. л.
Тираж 25 000. Л 91 011. Заказ № 536. Цена 1 руб.

3-я типография «Красный пролетарий» Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига».
Москва, Краснопролетарская, 16.